

**Представь, что мы нормальные**

**Арунас Ракашюс**

**Lowe and Cheel**

**18+**

Арунас Ракашюс

**Представь, что мы нормальные**

«Автор»

2026

## **Ракашюс А.**

Представь, что мы нормальные / А. Ракашюс — «Автор», 2026

В Ситтингборне, небольшом промышленном городке на юго-востоке Англии, круглосуточно и без выходных работает фасовочно-упаковочный цех для свежих фруктов и овощей. Трудятся там в основном иммигранты и гастарбайтеры – уроженцы стран Балтии, Польши, Румынии, Болгарии и прочих стран, экзотичных в глазах немногих остающихся в цехе представителей коренного населения Англии. Кто-то приехал в Англию за деньгами, кто-то строить новую жизнь, кто-то – в поисках новых впечатлений и приключений. Среди них есть писатели, художники, комики, студенты, учителя и пенсионеры. У каждого своя история. Но имеют ли эти истории хоть какое-то значение, когда вся жизнь этих людей проходит в двенадцатичасовых рабочих сменах на непрерывном производстве с быстро меняющейся средой? Сохраняется ли для них самих ценность жизни за пределами цеха? Ответы на эти вопросы предстоит найти Мартину – вступившему в своё тридцатичетырёхлетие руководителю производства «коричневой» смены цеха.

© Ракашюс А., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

Представь, что мы нормальные	6
Аннотация	7
Дисклеймер	8
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

# Арунас Ракашюс

## Представь, что мы нормальные

**Название:** Представь, что мы нормальные

**Автор(-ы):** Арунас Ракашюс

**Ссылка:** <https://author.today/work/433322>

## **Представь, что мы нормальные**

Представь, что мы нормальные

## Аннотация

В Ситтингборне, небольшом промышленном городке на юго-востоке Англии, круглосуточно и без выходных работает фасовочно-упаковочный цех для свежих фруктов и овощей. Трудятся там в основном иммигранты и гастарбайтеры – уроженцы стран Балтии, Польши, Румынии, Болгарии и прочих стран, экзотичных в глазах немногих остающихся в цехе представителей коренного населения Англии. Кто-то приехал в Англию за деньгами, кто-то строить новую жизнь, кто-то – в поисках новых впечатлений и приключений. Среди них есть писатели, художники, комики, студенты, учителя и пенсионеры. У каждого своя история. Но имеют ли эти истории хоть какое-то значение, когда вся жизнь этих людей проходит в двенадцатичасовых рабочих сменах на непрерывном производстве с быстро меняющейся средой? Сохраняется ли для них самих ценность жизни за пределами цеха? Ответы на эти вопросы предстоит найти Мартину – вступившему в своё тридцатичетырёхлетие руководителю производства «коричневой» смены цеха.

## **Дисклеймер**

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми, живыми или мертвыми случайны.

## Глава 1

### 1

«День рождения нужно проводить там, где тебе хорошо и с теми, кто тебе по-настоящему дорог». За те полчаса, что я начинал, а «серые» заканчивали смену, эту фразу пришлось повторить раз двадцать. Впрочем, для того я её и заготовил. Когда-то отбиваться от всех одной, да ещё и заранее придуманной шуткой, казалось мне не меньшим дурновкусием, чем рисовать шаржи по шаблону. Пошло. Прошло. Хороших шуток на всех не напасишься, да и кому они нужны, хорошие шутки, где их аудитория? Возможно, собирается в тех пабах, где последние годы по вечерам околачивается Дамьян, но и это, если уж ему там позволяют выступать, вряд ли. В любом случае, точно не здесь, точно не среди работников фасовочно-упаковочного цеха «Lowe & Cheel». Им бы свои двадцать девять, двадцать восемь, двадцать семь уже минут дотянуть, дожидаться чтобы мастера линий остановили конвейеры и рвануть к выходу в надежде успеть встать перед терминалом учёта рабочего времени раньше остальных, чтобы первыми, когда на часах девятнадцать пятьдесят девять сменится двойкой с тремя нулями, приложить к сенсорному экрану терминала палец. В дни, когда много работы и весь цех остаётся до восьми, те, кому не удалось попасть в начало очереди, могут запросто провести лишних десять-двенадцать минут, переминаясь в хвосте. Десять, а то и двенадцать неоплачиваемых минут. Чтобы заплатили должно пройти не меньше пятнадцати, у нас время оплачивается четвертями часа. Но дотянуть до пятнадцати после восьми им никто не позволит, за этим следят строго. Для того чтобы следить за этим, в цехе и нужны такие как я. Следить, что деньги платятся не просто так, а за работу.

В общем, им мои шутки нужны не больше, чем мне – их поздравления. Лучше всех меня, всё равно, поздравил календарь, аккуратно поместив тринадцатое августа, день моего тридцатичетырёхлетия, на воскресенье, третий день смены «серых», мой третий выходной. Я вышел на сверхурочную ночь субботы и даже смог выспаться днём перед второй ночью. Потому что воскресенье, потому что у Сандры выходной. Благословен будь рабочий график «пять на два» у наших близких! Работали бы мы оба четыре на четыре, в разные смены, как среди цеховых семей принято, то и не ходил бы тогда Данкан в садик, а я бы вообще никогда не выспался. Можно, конечно, предположить, что тогда сама Сандра начала бы понимать, что после четырёх дней двенадцатичасовой смены человеку жизненно необходим отдых, особенно если он и на выходных планирует выйти дополнительно поработать. Но, боюсь, даже в таком случае Данкан ходил бы в садик тогда, когда это удобнее Сандре. Так что может и хорошо, что она не вернулась в цех. Хоть в те дни, когда мои выходные совпадают с общечеловеческими, могу выспаться.

На ночь «серые» запланировали для меня работу на секции «цитрусовых». У бригады Гавина – начальника регулярной ночной смены – выходной, так что есть только я и мои люди. Две машины, две команды, один мастер. На одной машине – мастер с командой, за второй машиной и командой придётся следить самому. Посмотрел список. Из мастеров линий в ночную записался Флориан, кроме него две «лёгкие» контрактницы из нашей смены и четверо «тяжёлых» из агентства. В плане производства – ордера на мандарины, коробки по двадцать четыре сетки на одной линии, по двадцать две – на другой. На утро надо по пятьсот коробок с каждой, но разрешено паковать наперёд. Днём ожидалось, что ещё ордер на апельсины нам достанется, но «серые» под руководством Томаша собрались, поднажали и сами успели.

Отсутствие апельсинов радовало. С мандаринами можно было легко гнать машины на полной скорости, оставляя по одному пакующему за каждым столом. Апельсины, конечно, тоже можно и с одним пакующим делать, но тогда нужно самому помогать на столе и на всех кричать. В последнее время, правда, политика компании смягчилась и на апельсины, даже в

ночную смену, стали стараться обеспечить команду дополнительным «тяжёлым». По-моему, расточительство и излишний гуманизм.

Завидев меня, дневные мастера с выделенных на ночное производство линий рванули к красным стоп-кнопкам, тормозить машины. Пришлось прикрикнуть.

– Работаем! Мы вас ровно в восемь сменим, а машины утром почистим. Нечего останавливаться.

Загрустили. Не уйдут на пару минут раньше. Ничего, зато денег больше заработают. Пятнадцать минут с бонусом мастера – это два фунта. Даже с мелочью. Потом ещё спасибо скажут.

Пришёл Флориан и сразу начал канючить, что он хочет четвёртую машину, он к ней привык, он на ней в нашей смене работает, он на ней сорок четыре пачки в минуту выдавать будет. Мастера секции «цитрусовых» носятся со своими машинами, как с любимыми боевыми лошадьми, хотя все они одинаково обшарпанные, одинаково застревающие, одинаково скрипучие и больные. И машины их одинаково тащат зелёную конвейерную ленту по кругу из десятилетия в десятилетие. И скорость у них одинаковая. Когда боевыми лошадьми оказываются искусственные лошадки с карусели, ни одной из них скачки не выиграть. Почему-то, когда прихожу я, или Руслан, или даже Джорджи, мы прекрасно заканчиваем ночь со средними показателями в сорок – сорок две сетки в минуту на любой из четырёх стандартных, с одним столом, машин. Так что я охотно пошёл Флориану навстречу. Сказал сорок четыре на четвёртой, вот пусть теперь и делает сорок четыре. А я у пятой постою.

– Спасибо, Март! С днём рождения! – Флориан просто расцвёл. Интересно, а если бы я не уступил, он бы, что, не вспомнил, не поздравил? Милое непосредственное румынское дитя. Пару лет назад тренировал его на мастера на ручных линиях. Бестолочь.

– Спасибо, дорогой. Видишь, день рождения нужно встречать там, где тебе хорошо и с теми, кто тебе по-настоящему дорог...

На самом деле, я почти не лукавлю. Я почти люблю ночные смены. Даже когда сам и за начальника смены, и за мастера линии. Ночью нет большого начальства, не бывает чаще всего и контролёров качества, нет бардака. Обычно даже кричать ни на кого не надо: не чаще раза в час, и говорить не о чем. Вставляй вместо берушей наушники – начальства нет – и следи за тем, чтобы ни у тебя, ни у мастера на соседней линии не было перебоев, чтобы не кончались ни фрукты, ни сетка, ни плёнка. Время от времени, конечно, нужно подбадривать людей на линиях, к середине ночи они часто начинают уставать и клевать носом, но как бы ни гордились «цитрусовые» своими лошадками, сорок четыре упаковки в минуту на машине — это не та скорость, с которой хоть кто-то из операторов, подающий ли, сортирующие ли девочки или пакующий должны испытывать сложности. Если кто не справляется – им тут не место.

Я развёл людей по машинам, проверил принт на наклейках, привёз из холодильников склада себе и Флориану по паре палет на начало. Заодно проверил – как минимум часть фруктов с верхних ярусов спущена, значит, кто-то из складских получил накладные, можно не волноваться. Ближе к полуночи надо было бы всё равно пройтись по холодильникам и проверить – всё ли снято. Поздняя смена складских работает до четырёх нулей, если окажется, что водители погрузчиков нам не все фрукты скинули, останемся на полночи без работы, останемся виноватыми, получим дисциплинарные взыскания. Менеджер склада, Раймис, надо признать, своих защищает крепко – не докажем, что это по их вине нам фруктов не хватило, офисные даже слушать не станут, чтобы с Раймондом лишний раз не связываться. Придётся брать погрузчик, спускать фрукты самому, а это, без лицензии, тоже нарушение инструкций, тоже потенциальная «дисциплинарка».

Работа пошла. Машины размеренно гудели, отщёлкивая стянутые сплавленной плёнкой сетки, на столах пакующие привычно подбирали по четыре сетки в руку, подающие высыпали фрукты в машину одним ровным слоем без горок и пробелов, так чтобы девочкам было удобно

сортировать. Девочки сортировали, Флориан стоял рядом со своей и то ли втолковывал ей стандарт, то ли просто точил языком.

– Плохие фрукты? – Окрикнул я и мастер в ответ жестом показал, что, нет, всё нормально. Значит, второе. Пусть болтают, если работа идёт. Я встал в глубину своей пятой, загороженный и от всех камер, и от оперативников, между двумя корпусами, каждый, при нормальном полёте, выдаёт по двадцать-двадцать две сетки в минуту. Достал неположенный в цехе телефон – ночью, укрывшись от камер, можно. Мне можно, я знаю, что всё идёт как надо. Конвейер размеренно щёлкает. Раз, два, три, четыре. Машины работают, работа идёт. Можно расслабиться. Свежие рулоны плёнок, свежие мотки сетки. До перерыва хватит. Перерыв – через два часа.

Я почти люблю ночную смену. Это, наверное, единственное время, когда получается слышать собственный голос. Или что-то отдалённо на него похожее. В фейсбуке вернувшись домой «серые» активно писали поздравления на моей «стене». Основная масса «коричневых» отметилась ещё утром: выходной, никто над душой, запрещая пялиться в телефон, не стоит. Никто коршуном не кружит, не высматривает не пронёс ли оперативник телефон в цех. Я не кружу. Я дома, отсыпаюсь между ночными сверхурочными. Можно меня и поздравить по такому поводу. Если не с возможностью выспаться, то хотя бы с днём рождения. Тридцать четыре. Христос, кстати, в моём возрасте уже отстрадал. Хорошо иногда слышать свой голос. Люблю.

В мессенджере сообщения от тех скромных, кто не решился писать на «стене», и тех, кто, наоборот, хотел подчеркнуть, что у нас более личные, достойные «лички» отношения. Лайки постам, лайки сообщениям, к двум надо будет ещё вернуться, остальные можно и не читать. Главное – лайкнуть. Тёплые доверительные отношения важны для работы. А те двое... Их голоса я, пожалуй, хочу слышать не меньше своего. Их голоса я, по крайней мере, ещё узнаю.

Рената. «Тридцать четыре, Мартышка! Помнишь, что такое 34? Идеальное число, идеальный возраст! Пользуйся!» Треть хозяйства Хультманов была раньше засажена яблонями одного сорта, дающими ранние плоды, чтобы их раньше можно было начинать продавать. Прорезившая их, нужно было оставлять ровно тридцать четыре плода. Ожидалось, что тогда яблоки будут получать оптимальное количество солнечных лучей и питательных соков. То ли, потому что так установили шведские учёные, то ли просто потому, что так было заведено в шведской семье Йована. В любом случае, мы так делали, из года в год, каждый сезон. Воспользоваться советом, оставить тридцать четыре, сорвать лишнее? «Спасибо, солнце! Йовану привет. Не трогайте поздние, их ещё рано рвать!» Подмигивающий эмодзи и тут же ответ. «Кого ты учишь? Хочешь доказать, что знаешь хоть что-то лучше нас – милости просим, дорогу знаешь! Приезжай и покажи!» На их ферме, тогда ещё ферме Йована, я когда-то просидел без малого пять лет. Я, Рената, Дамьян. Роба, опять же. Так, а что Дамьян пишет? «У меня пять минут в Фавершаме в следующую субботу. Приезжай с Робой, получишь подарок! Будь!». «У тебя нет денег на такой подарок, ради которого можно терпеть пять минут твоего стендапа... Спасибо!». В ответ – картинка с кулаком и подпись: «Палец сам оттяни». «Вот-вот». Следующая суббота, получается, первый выходной. Можно съездить. В комментариях к поздравлениям персонал обеих смен нашего цеха обсуждал, какие жизненные обстоятельства вынудили меня в днюху в ночь выйти. Какие? Жена, ребёнок, съёмная квартира, которую так хотела жена и которая нам не по карману и, главное, моё нежелание быть, во всяком случае – быть в этой квартире. Обновил статус: «День рождения принято отмечать в месте, где тебе по-настоящему хорошо, с теми, кто тебе по-настоящему дорог. «Lowe & Cheel» - компания, где чувствуешь себя в кругу семьи!». Пусть развлекаются. Отключил приложение. Что-то не так. Раз, два, три, четыре – выпадают сеточки из корпуса у меня за спиной. Раз, два, три, четыре – посылает на конвейер второй корпус моей машины. Обе стороны работают.

– Флориан! – кричу, не глядя – У тебя одна сторона встала!

– Ой, точно... Не мой день...

У него любой день – не его, даже ночь. Дамьян, когда начальником ночной смены здесь работал, стоя в Центре Управления, не только слышал если на «цитрусовых» что-то переставало работать, но и мог по звуку определить на какой машине какая из сторон встала. Я так не могу. Но я ни в ночи, ни на «цитрусах» постоянно не работаю – хожу сверхурочно и, в основном, не машины слушать, а себя. Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре. Вот, теперь всё правильно, теперь всё хорошо. Разве тридцать четыре? Да.

В перерыве взял два пятнадцатипенсовых кофе из аппарата и вышел на улицу. В дневную я редко покидаю здание, уличные скамейки – место курильщиков и некурящему надо очень захотеть к людям, чтобы терпеть их смрад. Бывает, конечно, и такое, но редко. А ночью на улице хорошо. Фонари не горят, незачем – тратить деньги понапрасну руководство «Любви и Покоя» не будет. Машины в это время мимо не проезжают, это по утрам в промзоне вечная пробка. Ночью пусто, темно и серо-коричневая обивка здания сливается со мраком. Выходишь – и словно нет ничего. Ни гула фасовочных машин, ни людей, ни любви, ни мира. Только покой. Только звёзды, бодрящий ночной ветерок и дрянной, но горячий кофе. Мог бы, конечно, в первый перерыв и одним стаканчиком ограничиться, пока и так бодр и весел. Всё равно же, и на второй, и на третий буду двойные брать. А под утро буду ходить с дикими глазами, злой и бодрый. Ошалевший.

– У тебя днюха, начальник? – Пакующий с машины Флориана. Литовец из агентства. Днём редко бывает, но в ночных мне часто встречается.

– Есть такое...

– Выпьешь со мной? – Приложился и протягивает мне, побалтывая.

– Спасибо, на работе не пью... – Ну вот, и ждать утра не пришлось. Ошалеваю. Хорошо, что два стаканчика, злее буду. Пошатываясь, литовец отшагнул от меня в ночь, не зная ещё, что для него она закончилась. Идиот. В стороне красным пульсируют огоньки курильщиков. Их, если не принохиваться, можно спутать со звёздами.

Вернулся в цех за пару минут до окончания перерыва, взял со стола Центра Управления лист со списком агентурных. Прошёл к дверям. Оперативники понемногу сползались, натягивали халаты. Вышел к ним, остановил борющегося с рукавами литовца.

– Ремигиус Тракайтис, ты?

– Я, начальник, – Он кивнул настороженно. – Проблемы?

Мужик, ты работаешь в ночную смену, либеральное время разумной вседозволенности, получаешь зарплату с ночным бонусом, а у тебя хватает ума сообщать исполняющему обязанности начальника смены, что ты бухой на работе. Конечно, у тебя проблемы. Это помимо меня.

– Ты на сегодня закончил. Вот здесь распишись... – В окошке «окончание смены» напротив его фамилии я написал: «22:30», по сути, даря ему оплачиваемый перерыв. Мог ставить «22:10», время, когда мы вышли. Должен был ставить так. Так было бы правильно. Но я стараюсь не быть мелочным.

– Начальник, ты чего... – Он покорно взял ручку, но расписываться не торопился. Я вздохнул.

– Представь, если что-то случится. Даже не обязательно с тобой. Пожар. Просто пожарная тревога. Сигнализацию замкнёт. Приедут проверять, а ты пьяный. А ответственный – я... И зачем мне это?

Агентурный молчал. Остальные, старательно не прислушиваясь, ограждаясь от нашего разговора, прошли в цех, только Флориан продолжал сосредоточенно затягивать халат. Меня ждал. Спасибо, хоть не вмешивался.

– Начальник, – Тракайтис наконец-то расписался и теперь просто обречённо мычал на меня. – Начальник, ну как так-то?...

– Думать надо... – Я пожал плечами. – Отметься на терминале. Спасибо за работу.

Мы с Флорианом прошли внутрь. Пройдя несколько шагов, я остановился, обернулся и проследил за литовцем. Тот прижимал палец к экрану. Хорошо. Я вписал «DNR», do not return1, рядом с его подписью и расписался сам. Надо будет утром Томашу записку оставить.

– Я встану вместо него, а ты за обеими машинами присмотришь, – Машины идут хорошо, много работы это Флориану не прибавит. Но он всё равно не доволен.

– Март, ну он же не один пил, а его одного вышвырнули...

Бестолочь. Честное слово.

– Ты знаешь с кем он пил? Покажи, я его тоже вышлю. Будем с тобой оба вообще без тяжелых работ, сами на подаче, сами на столах, сами наклейки и плёнку менять.

Задумался. Медленно покачал головой. То-то.

– Как запустишь машины, сходи в склады, проверь, пока складские не ушли, все ли фрукты для нас спущены.

Флориан, продолжая сжимать губы, молча кивнул. Покорён, но не сломлен. Мы пошли к машинам. И только перед самым нажатием пуска он решился.

– Хочешь, я паковать встану? У тебя, как никак, день рождения...

Ого! А вот это уже было проявлением искренней любви и заботы. Это он, оказывается, не на меня за несправедливость дулся, это он благородный порыв в себе душил. Всех не передушишь... Лапочка моя бестолковая.

– Спасибо, – отвечаю, не показывая, что тронут, – мне не сложно.

Чем дольше в цехе работаю, чем выше должность занимаю, тем сильнее убеждаюсь, что лучшая работа здесь – работа оперативника. Самая низкооплачиваемая тоже, да, но зато стоишь себе у крутящегося стола, у колеса, у барабана, упаковки собираешь, коробки на поддоны складываешь. Люди, бегут, орут, суетятся. Время летит. А ты где? Тебя нет. Только – раз, два, три, четыре, раз, два, три, четыре. К вечеру болит спина, гудят ноги, но ни одной плохой эмоции. Чистая сладкая тяжелая физическая усталость, под которой легко, что под тяжелым пуховым одеялом, засыпаешь, едва добравшись до кровати. И ты где? И снова нет тебя. А утром опять на работу, за колесо, в колесо. Жаль только платят мало.

Оранжевые мешочки мандаринов съезжали на чёрный стол, откуда я перекладывал их в зелёные коробки. Чёрное и оранжевое, оранжевое и зелёное. Классические сочетания. Хотя с оранжевым нужно быть осторожным. Слишком яркий цвет, он в любой комбинации старается доминировать. Ржавчина, если она есть, всегда всё затмит. И всё равно красиво. Жаль, сетка для этой линии продукции тоже оранжевая, сюда бы красная подошла, как для апельсинов. Или даже предназначенная для слив – бордовая. Да, было бы самое то.

– На земле всего по паре палет на каждую линию осталось....

– Ну, как так, Флориан?

И даже ругаться бессмысленно. Сам виноват, хоть и попросил проверить. Не он ответственный. Он-то понятно, наперёд известно, что ответит. Вот, сейчас.

– Ну, не мой день...

А поскольку уже почти час ночи, то и следующий день не его будет. Заранее обречен. Его не ругать, его жалеть нужно. Бестолочь. Складские, скорее всего, закончили. Интересно, Роба сегодня работал? Не помню наверняка, но вполне может быть. Он, когда в вечернюю смену работает, любит во дворе у парковки фур позависать. Двенадцать пятьдесят девять, час. Можно проверить.

– Тормози машины, веди людей на перерыв. Пойду, посмотрю, что можно сделать.

В склады из цеха можно попасть множеством путей. Один из проходов как раз тут, напротив четвёртой машины, надо только пронырнуть под тяжелыми пластиковыми занавесками. Но я без куртки, а там холодно. Так что, мой путь в этот раз вёл в обход, через черешенную. Помимо самой черешни там фасуют сливы, чернику, иногда виноград. Всё это, как и

черешню, нужно упаковывать при низкой температуре. Кроме винограда – его там пакуют в разгар сезона, не из-за температуры, просто тогда заказов много и трёх машин в основном цеху не хватает. В черешенной поддерживается постоянная температура в два градуса по Цельсию, и у входа в неё висят утеплённые светоотражающие куртки для работников. Из черешенной можно попасть напрямую в десятый холодильник, а оттуда – в самые недра склада, в зону разгрузки.

Датчики в десятом холодильнике не среагировали и свет с моим появлением не зажётся. Значит, тот, кто отвечал сегодня за позднюю смену, уже закончил с финальным обходом и, скорее всего, ушёл. В зоне приёма тоже темно. И пусто, только выгруженные из фур, но не развезённые по холодильникам палеты с фруктами стоят рядами. Жёлтым горят зарядные устройства заряжающие припаркованные автоматические тележки, зелёным – уже зарядившие. Пусто, но здесь я никого встретить и не рассчитывал. Прошёл мимо погрузчиков дальше. Офис складского начальства, диспетчерская, куда водители приносят бумаги на подпись и узнают, сколько им предстоит ждать до тех пор, пока придёт их очередь на загрузку или выгрузку. В диспетчерской есть двери наружу и нет камер. Она тоже вроде офиса, а в офисы ставить камеры неэтично. Работающие в административных помещениях люди благонадёжны и преданы делу «Люви и Покоя». Даже в самих складах камеры просматривают только центральные коридоры и основные холодильники. В комнатах созревания, например, этой персональной вотчине менеджера департамента контроля качества Андриша, камер, нет. В хранилищах авокадо – нет. В тоннеле, служащем станцией для погрузчиков – нет тоже. Плотнo и неотступно следить нужно только за нами, «цеховыми», дикими. Я толкнул дверь. Не заперто. Воняет глеющими гнилыми луковицами. Роберт ещё не ушёл.

Роба – наиболее близко подходящий здесь под определение «друг» для меня человек. Наиболее близко к нему подходящий. Из тех друзей, которые получаются, когда судьба постоянно, как из лужи в лужу воду, переливает вас, одним ковшиком зачерпывая, и как-то оказывается, что вы с этим человеком с незапамятных времён всё время рядом плывёте и только с ним вдвоем и помните ту первую, где вода была ещё чистой, лужу. Прозрачную, блестящую на солнце лужу, которая не искажала вас мутными маслянистыми пятнами, не разъедала, а лишь увеличивала, подчёркивая. Мы с ним ещё в моё первое лето у Йована познакомились. Сейчас Роберт сидел на сухом пятачке асфальта чуть в стороне от двери и, уставившись маслянистыми глазами в увеличенное небо, накуривался.

– Здорово!

– Привет, Мартин. С днём рождения!

– Прошёл уже, но всё равно спасибо, – Я присел рядом, стараясь оценить состояние Роберта. – И что тебе снова домой не идётся?

– Да, в общем... – Он протянул мне самокрутку, я отказался. – Ола, кстати, с парнем съехалась. Сегодня ключи отдала.

По Роберту тяжело угадать. Он всегда такой. Слегка приплывший. И с соседями ему всегда не везёт, с тех самых пор, как мы разъехались. А это давно было.

– Найдёшь кого-нибудь... Пройдись, агентурных поспрашивай...

– Найду, – он затыкнулся. – А кто сегодня у тебя работает? Нет такой, чёрненькой, с обёрток?

Машины обёрток, хоть и считались отдельной секцией, но находились под присмотром начальника секции «цитрусовых». Я за ними не следил. Чтобы вспомнить, кто из регулярных людей той половины на какой машине работает, мне нужно было время. Так... На обёрточной секции работают... Лина, Магда, Иоанна, Дана, Малгожата, ещё Малгожата, Дарья, Таня, Зоя, Остальные – нерегулярные. Лина и первая Гоша – светлые, Таня и Зоя – старые, Магда, вторая Гоша, Дана или Дарья. С девушками ему тоже давно не везёт.

– Дашка, что ли? – Роба кивнул, стараясь скрыть нетерпение. Надо же, угадал. – Нет, она вообще в ночные редко записывается. А что, разве ей жильё нужно?

– Да нет... Я её звал как-то... Всё решает...

Вот не подумал бы, что Дарья в его вкусе. Маленькая, остроносая, похожая на мальчика из голодающей семьи. Ладно, на будущее стоит запомнить, но пока хватит болтать. Скоро перерыв закончится.

– Слушай, раз всё равно ещё тут, сними фрукты, а?

– А сам? – Роберт выразительно показал мне окурок. Можно подумать, он только после конца смены так. Конечно.

– Времени нет. У меня одного пакующего не хватает, сам на столе стою... Ну, пожалуйста... В качестве подарка на день рождения...

– Сам же говоришь, прошёл уже... – Роберт неохотно поднялся. – Ладно, пошли, дашь накладные. А я твоего, кстати, спрашивал после одиннадцати, что-то ещё надо? Не, говорит, всего хватает...

– Ну, знаешь, у всех бывает... Не его день...

Славно: удалось договориться и даже успел до конца перерыва. Конечно, пришлось обойтись без кофе, но можно считать это компенсацией за двойную десятичасовую порцию. Пять минут. Выходить из цеха бессмысленно. Вместо этого принёс Флориану новую плёнку и сетки, поменял наклейки на одной стороне на четвёртой. Можно работать.

В дневную смену перерывы распределяются примерно так: после десяти, после часа и после четырёх. Конкретное время зависит от ситуации. Если работа есть, если все секции заняты, все линии запущены, если начальники секций не хотят толкаться на перерыве и заботятся о личном пространстве, то делим цех на два потока. С десяти минут после и до половины отдыхает одна часть, с без двадцати до одиннадцати, двух и пяти соответственно – другая. Если же цех полупустой, или если Аркашке хочется курить и плевать, что сейчас очередь моей половины идти первыми, то отдыхаем все вместе. Так же должно быть и с ночной сменой: в десять, в час и в четыре. Круглосуточное производство, двенадцатичасовые смены, одно время на всех. Очень удобно. Только если днём большая часть цеха работает с восьми до восьми, и если заканчивают раньше, значит мы виноваты, плохо рассчитали, то ночная чаще всего заканчивает между шестью и семью утра. После семи приходят дневные начальники секций, мастера линий. Им надо готовиться. А до шести уходить никто не хочет, потому что до шести начисляется ночной бонус, приятные дополнительные полтора фунта в час. Поэтому ночью перерывы часто сдвигаются на полчаса-час, как начальнику ночной смены удобнее. Это ещё Дамьян придумал.

Мирно допаковал до следующего перерыва, до половины четвёртого. Отпустив всех на заслуженные двадцать минут отдыха, проверил за Флорианом бумаги. «По двадцать четыре» готово семьсот пятьдесят боксов и восемьсот – «по двадцать два». Быстро посчитал: не сорок четыре в минуту, и на четвёртой даже не совсем сорок. Коробок двадцать Флориан за ночь потерял. На самом деле, всё равно неплохо, средние девяносто семь – сто процентов от стандарта в час. Можно после перерыва досыпать привезённые в цех палеты и больше уже не везти. Это примерно полтора часа. Плюс – полчаса на уборку. Идеально. А Флориана можно даже похвалить. Удивительно, но заслужил.

Я вышел из цеха. В этот раз не стал идти ни на улицу, ни наверх, в общую столовую. Бросил на крючок халат и белую шапку, бросил монетки в аппарат, стоящий прямо тут, в прихожей у дверей в цех, и с двумя стаканчиками сел на корточки, опираясь спиной на вечнозелёную стену. Вот и ночь почти прошла. Полтора часа попаковать, потом, пока они убираются – проверить и закрыть за Флорианом бумаги, написать Томашу про «невозвращенца». Можно даже в офис зайти, поздороваться, если кто-нибудь пораньше придёт. Интересно, Тамара работает? Ну-ка... На прошлой неделе она говорила, что в пятницу не работает, идут с мужем куда-то. В

субботу утром, когда я уходил, её не было. Значит, должна быть сегодня. У девочек из офиса восьмичасовые пять-два, почти стандартные, только выходные у каждой смещены по-своему и раз в месяц пересматриваются. Интересно, на что это похоже, жить в таком графике? Спросить Сандру что ли? «Сандра, ты уже пару лет так, на что похоже жить?..» Обидится.

С последними фруктами провозились чуть дольше, чем предполагал, машины выключили только без пятнадцати шесть. Раздав указания по уборке – по сути излишние, все и так знают, что делать, но ритуально обязательные, и сказав Флориану вывести палеты с продукцией в склад, взял его бумаги и пошёл в Центр Управления. Оттуда просматривался весь цех. Посмотрел в противоположенный «цитрусовым» конец цеха, туда, где секция ручного сортирования упирается последними линиями в окна офиса. В офисе желтел, словно заря на горизонте, проникающий к нам через стёкла окон, тщетно пытающийся осветить тьму погашенной половины цеха, свет. Значит, кто-то есть. От принтера вдоль внутренних окон прошла и села спиной к цеху Тамара. Высокая, спина ровная, осанка строгая, словно по линейке. Такие спины, на самом деле, труднее всего рисовать. А стрижка новая. Укоротила и, кажется, перекрасила.

– Тебе идёт, – Набрал её номер по внутренней связи и заявил, не здороваясь. Она расмеялась и, обернувшись, помахала мне через стекло.

– Болтун, ты же даже не видишь оттуда, чего врёшь?

– Правду видят сердцем, а не глазами, и говорить её легко и приятно, – Я помахал в ответ. – Хорошего дня, солнце!

– Спокойной ночи, болтун! – Она повесила трубку и, кажется, продолжая улыбаться, отвернулась. У нас с ней флирт. Флирт с офисом очень помогает работе. Можно было бы ей ещё быстренько розу нарисовать, но уже лень. Настало утро, ушло настроение. Пора домой.

Ещё один стаканчик, чтобы пережить часовую пробку, взял с собой в машину. Сидел, заведясь, прочухивался вместе с мотором, смотрел, как стекаются на парковку «Lowe & Cheel» серые мастера линий и контролёры качества. Они должны начинать в семь тридцать, но у «серых» никто толком не следит, поэтому мастера пробиваются в семь. Лишнее оплачиваемое время. Лишнее время стекается в клоаку любви и покоя, лишнее, потому что самим тем, кто сливает его туда, оно явно не нужно. И кому-то другому до отведённого этим людям времени тоже нет дела. Тратьте, ни на кого не оглядывайтесь! Транжируйте как хотите! Пробивайтесь, хоть в семь, хоть в полседьмого пока не поймают! Тратим, транжирим. Жаль, больше шестидесяти часов в неделю работать нельзя. Пора ехать.

Я почти люблю ночные смены. Это наиболее близкое к приятному время моей жизни. Даже больше – это наиболее близкое к личному, принадлежащему только мне, время. И, по тем же причинам, я люблю время, проводимое в машине – оно приятное, оно моё. Казалось бы, при таком совпадении, дорога домой могла бы быть счастливым, завершающим смену, финальным мазком, щедрой компенсацией за то, что я домой возвращаюсь. Но нет. Утренние часы между Ситтингборном и Мейдстоном, утреннее направление от острова Шеппи к Лондону заполнено не счастьем, а фурами. Сами фуры могут быть наполнены чем угодно: от счастья в виде контрабандных сигарет, до набившихся внутрь в поисках собственного счастья нелегальных эмигрантов из стран востока и Африки. В самих фурах счастье может храниться тоннами, но я, стиснув зубы и пытаясь держать глаза открытыми, стараюсь проскочить, увернуться, уследить, чтобы не врезаться в него. Пробка после ночной смены – это ужасно. Час, проведённый у обрыва сознания со спущенными в небытие ногами. Час, убедительно доказывающий, что осознанность переоценена, а автопилот работает. Всякий раз, возвращаясь домой из ночных смен, я хотя бы несколько раз просыпался и находил себя остающимся в пробке. В аварии не попадал.

Не попал и сейчас. Попал через внутренний утренний серый гараж по общим красным ковровым ступенькам в квартиру, где всё ещё спали Сандра и Данкан. В этой квартире низкие

потолки и крошащиеся, не держащие даже просто гвоздей, стены из гипсокартона. В остальном – если не искать места, куда себя приложить и повесить – квартира хорошая, мы её уже четыре года снимаем. Две ванн, две спальных комнаты, общий зал, широкий, пусть и с низкими потолками, коридор между ними. Кухня изначально была оборудована посудомоечной и стиральной машинами, плитой. Посудомоечную мы с позволения владельца выбросили, стиральной пользуемся, холодильник купили. На плите готовим, на плите сковорода с двумя окорочками и кастрюля с бело-зелёным набором овощей. За окорочки Сандре спасибо – позаботилась, подумала о возвращающемся с работы муже. Не жена – золото. Овощи пусть лежат: к позолоченным окорочкам лучше подходит сусалью ложающееся на серый хлеб масло и завершает композицию золотистый виски. Виски кончается, надо или с Данканом в магазин выбраться, или завтра после работы заехать. Завтра на работу. Сегодня ещё не кончилось. Сегодня ещё не началось. Завтра на работу.

В спальне музыкально зазвенел Сандрин будильник. Зашуршала сама Сандра, зашумела вода. Потом Сандра пришла ко мне в общую комнату и что-то спросила. Я что-то ответил и унёс на кухню обглоданные косточки. Пошли, разойдясь по ванным, умываться. У неё утро понедельника, у меня ночь, когда прошёл день рождения. Она красилась, одевалась и что-то уточняла про погоду. Я отвечал, что не знаю, но серо и пасмурно, тяжело волоча ноги, тащил себя в спальню и взбирался на кровать. Она, помахав на прощанье, пробежала по коридору и хлопнула входной дверью. Я, широко разбросив руки, закрыл глаза. Зачем-то тридцать четыре. Завтра на работу. Скоро вставать.

Данкан проснулся в десять. Это неплохо. Иногда он просыпается в девять, иногда – ещё до того, как усну я сам. Десять – хорошо. К тому же он радуется папе и с удовольствием соглашается подремать с ним в обнимку на родительской кровати. Ещё час, иногда два. Конечно, при этом Данкан ёрзает, кружится, пытается меня одновременно задушить и запинать, отталкивает всеми конечностями и старательно залезает тушкой мне на голову. Зато не требует открывать глаз. Это можно вытерпеть, это лучше, чем прямо сейчас вставать. Всё что угодно, лишь бы оттянуть наступление момента, когда сын потребует завтрак.

Настал. Встал. Наощупь пробрался на кухню. Висящего крестом на мне Данкана стряхнул и отправил на омовения. Родился бы он на пару месяцев раньше, пошёл бы в сентябре в школу. Но нет, к началу учебного года ему только три, значит, ещё год будет ходить в садик, ещё год, когда я дома, будет оставаться со мной. Четыре на четыре – очень удобный график. Садик – дорого. Общение сына с отцом – бесценно. Каша подгорает. Данкан меняет пижаму на шортики и майку. Я, выковыривая из овсянки весь прогорклый спектр, от жёлтого к тёмно-коричневому, думаю, что нужно обновить краску перед сменой. Кажется, просыпаюсь.

Завтрак даёт возможность побыть с закрытыми глазами ещё полчаса. Можно включить сыну мультики и удвоить это время, – под мультики Данкан кушает медленно. Но мы стараемся не приучать его к связке «еда – телевизор». Вообще, чем меньше телевизора – тем лучше. Всё лучшее – детям. Потом мы рисуем, играем с машинками, я, кое-как попадая в буквы, читаю вслух рассказ из какого-то детского сборника. Потом сижу с остановившимся взглядом, слушаю, как Данкан пытается этот рассказ пересказать. Невпопад просит бутерброд, дёргаюсь, пытаюсь понять, шевельнулась ли фура во втором ряду или это я куда-то качусь, обещаю сделать, когда он закончит. Надо ножи заточить. Или купить новые. Какие всё-таки низкие здесь потолки, пришлось бы поджимать ноги.

Потом мы идём гулять. В парке отвратительно солнечно и, судя по мерзко кишащим везде детям, тепло. Я сам не уверен, мне, как всегда, до лёгкой дрожи прохладно, я кутаюсь в летнюю куртку. Но Данкан, всё ещё в своих утренних шортах и майке, доволен, радостно убегает кишеть в пёструю мешанину других детей. Я шурю на скамейке. На улице не так плохо, на улице голова понемногу свежеет. Постепенно дети перестают казаться бессмысленными брызгами засохшей на мольберте парка краски, из них вырисовывается узор. Фильтр

тучи превращает желтизну неба в умеренно тусклую сепию. Уже лучше. Но все равно, я не люблю долго бывать днём на улице. Отвык. Прошли те времена, когда я практически жил в пропитанном солнцем воздухе. Когда практически жил.

Зато Данкан на улице чувствует себя хорошо и почти не требует моего внимания. Подбегает иногда, лопочет что-то, показывает. У меня получается одобрительно кивать и улыбаться. Получается помнить, что это любимый сын, что я, в общем-то, неплохой отец. Может быть на улице не так плохо, когда это не прокуренная улица с толпой дымчатых оперативников.

Наконец, Данкан устал. Мы пошли в сторону магазинов, зашли в косметический, где, пока я покупал краску для волос, Данкан в полном соответствии с либеральной свободой выбора рассматривал разноцветные тени для век. К умилению работницы зала даже обмазал себе щёки фиолетовыми. Чему умиляться? С голубыми глазами фиолетовые тени не сочетаются. Хотя, опять же, свобода выбора, свобода выражения, свобода дурновкусия.

Виски, я проверил, на вечер хватало, и, кажется, с утра Сандра что-то говорила о мясе, которое она потушила, надо только подогреть. Так что, в продуктовый мы не пошли. Вернулись домой. Данкан сразу же схватился за раскраску и стал делать фиолетовые веки всем – пиратам, солдатам, животным и машинам, а я мыл посуду и варил нам на обед яйца. Потом мы счищали коричневую скорлупу и ждали Сандру. Данкан надкусывал белки, находил внутри синевато-серые мешочки сваренных в крутую желтков и расстраивался. Я давил серость и размазывал жёлтые крошки по чёрной тарелке сына. Тарелка напоминала крутящийся стол на секции «цитрусовых». Сын радовался и просил ещё. Я ждал Сандру.

Сандра вернулась без пятнадцати пять и сразу же стала рассказывать о том, как неправы её боссы. Когда-то давно, после материнского отпуска, она решила не возвращаться в наш цех, потом решила, что ей тяжело дни напролёт сидеть с ребёнком, ещё раз наотрез отказалась вернуться в лоно любви и покоя и устроилась офисным администратором к каким-то эстонцам. Офис находился в гараже, эстонцы занимались продажей в интернете разного мусора из Китая или откуда ещё этот мусор удавалось перехватить. Платили мало, не трудоустраивали официально, не оплачивали отпуска. Зато не требовали опыта и сертификатов. И, конечно, не были цехом, фабрикой или Данканом. Главное – чётко расставить приоритеты. Я, дождавшись, налил себе виски, поставил бокал рядом с ноутбуком, зашёл на страницу. Сообщение от Томаша с вопросом за что DNR – точно, так и не написал ему утром. Сообщение от задэ-энэренного с проклятьями. Не поленился, нашёл. Идиот, но целеустремлённый, не пропадёт. Агентств много, разных фабрик и цехов ещё больше. Или наоборот.

Сандра переключилась на сына, а я пошёл обновлять краску. Последний год, поняв, что вряд ли уже дождусь, когда мои светлые волосы станут темнеть, так и помру блондином, я начал краситься в огненно-рыжий красный. Сандра то ли не обратила внимания, то ли я сам не заметил её реакции. В цехе же остановились на версии, что таким образом, я подчёркиваю принадлежность к «коричневой» смене. Самому мне хотелось верить, что я просто пытаюсь сохранить в себе что-то яркое, но я быстро понял, что правы, всё-таки, были на работе. С тех пор, чтобы привести себя в соответствие с их теорией я постепенно, на полтона за обновление, утемнял цвет. Скоро буду, как и положено, тускло-коричневым. Скоро будут считать, что всегда таким был.

После ужина поцеловал на ночь сына, сходил в душ и с последним на сегодня бокалом пошёл в кровать засыпать под видеоролики. Выходные кончились. Завтра на работу.

## Глава 2

2

Раньше, перед тем как зайти в цех, я улыбался. Была у меня когда-то идея, что чем больше ты улыбаешься вселенной, тем шире она улыбается в ответ. Вот и стоял, расплываясь в улыбке, у двери, ожидая, пока истекнут последние минуты необходимого одиннадцатичасового перерыва между рабочим днями. У нас заботятся о сотрудниках – у человека должно быть одиннадцать часов отдыха между сменами! Неважно кто ты: оперативник, возница, мастер линии, начальник секции, начальник смены, сам Салим... Одиннадцать часов! Пробыться раньше – выговор, возможно даже дисциплинарное взыскание. Если самим не получается следить за переутомлением, начальство поможет. При авралах, конечно, об этом правиле сразу забывалось, Салим божился, что обо всём договорился с исполнительным директором Оуэном, генеральным Спенсером, обоими Джеями – Джоном Лавом и Джейком Чилом, деловыми партнёрами и совладельцами «Lowe & Cheel». Возникни нужда – и Аллаха с Мухамедом включил бы в список, но пока обходилось без них. Кроме Салима мусульман в цехе не было. С другой стороны, в цехе и без Аллаха можно – нет бога кроме Спенсера, и Оуэн – пророк его. Если они одобряют – можно работать до бесконечности, нужно работать до бесконечности, этим вы заслужите милость Спенсерову. Салим договорился, Салим обещал. Люди, конечно, после таких заверений подсчитывали в уме потенциальные деньги за переработку, радовались, кидали в воздух чепчики. Последнее – только вне цеха, в самом цехе без головных уборов появляться нельзя, иначе – дисциплинарное взыскание. Засучивали рукава, прощались с родными и пропадали на работе неделями. Ещё всякий раз пытались качать Салима, но он всегда выкручивается. Потом авралы проходили и оказывалось, что работать без одиннадцатичасового отдыха нельзя было ни при каких обстоятельствах, воля божья непоколебима, а справляться с катастрофами нужно без религиозных компромиссов. Люди получали свои заслуженные дисциплинарные, огорчались, пытались ловить Салима, но он всегда выкручивается. Смешно. Вот я и улыбался, стоя со стаканчиком утреннего кофе у стеклянной двери, глядя сквозь стекло как расходятся от двери японским клёном, а где краска посвежее, там – каштаном, обрамлённые жёлтыми сигнальными линиями дорожки возниц, как прижимаются друг к другу, сгрудившись в зоне ожидания, невывезенные из цеха ночной сменой палеты, как движутся на стене напротив, отсчитывая мои последние секунды снаружи, стрелки часов. Смотрел, улыбался и верил, что всё будет хорошо. Что будет хороший день. Что будет новый день. Были времена.

Открыв дверь, я посмотрел на экран терминала учёта: семь ноль одна, можно пробиваться. Как-то раз кто-то из «серых» получил дисциплинарное, отметившись по настенным часам. На них минутная стрелка уже перевалила на новый круг, а на терминале зафиксировалось шесть пятьдесят девять. Дураки, всегда нужно смотреть по терминалу. «Как выжить в цехе: краткое пособие для новичков и идиотов». Очень просто. Следить за временем по терминалу, считать продуктивность по стандарту, выполнять задания по букве. И работать. Тем, кто по-настоящему работает, многое прощается. Те, кто умеют работать, могут быть спокойны – их у нас любят. До определенного предела, конечно, и возможно странной любовью, но обычно этого хватает.

По-прежнему не заходя вовнутрь, я ввёл в терминал свой код и приложил палец. Потом взял в аппарате кофе и снова подошёл к двери. Палеты не вывезены, пол грязный, машины, даже отсюда видно, не чищены, брошены как попало. Надо бы Салиму пожаловаться. Он, конечно, делать ничего не будет, сошлётся на отсутствие доказательств, зато занервничает. Много лет назад наш менеджер производства был начальником «серой» смены и до сих пор продолжал любить их больше «коричневых». Мог я, конечно, организовать ему доказательства:

мог вернуться в раздевалку, взять телефон из шкафчика и пощёлкать. Только чревато: брать телефоны в цех запрещено, фотографировать внутри цеха запрещено, так что, отбивая атаку на своих любимчиков, Салим запросто мог выставить крайним меня. Чтобы не умничал. Можно, опять же, просто ничего не трогать, дожидаться Владислава – он начальник смены, рабочий смартфон ему положено иметь при себе по статусу, только он бодаться с Салимом не захочет. А если бы я начал настаивать, вещать, что в таких условиях работать невозможно, вопрошать трагически «как я должен делать свою работу и как нам вообще подготовить старт вовремя, если приходится убирать за «серыми» и ночными?..» Тогда бы Владек до вечера ныл о том, как я его с первого дня смены в стресс вгоняю, бедного. К тому же оставить всё до Владека – это и есть не подготовиться к старту. Линии будут пустыми, палеты так и останутся не вывезенными, пол и машины не вычищенными. Владислав последнее время снова начал приходить поздно, ближе к восьми. Он очередной раз пытался намекнуть начальству, что его не ценят, не любят и не берегут, а ведь он может строго по букве контракта работать: с восьми до восьми, с контролёрами не спорить, неукомплектованные линии не включать... Такие демарши начальник нашей смены устраивает регулярно, раз-два в год. Интересно, смог ли он таким образом хоть раз выторговать себе у начальства хоть что-то значимое? Если смог – молодец, Владичек! Но, если честно, сомнительно. От поздних явлений Влада народу всё равно ничего не менялось: собака лает, караван идёт. Я продолжал появляться в семь и делал работу. Свою, Владека, не важно... Ладно, пусть будет дарован покой Владиславу, пусть будет мирным день Салима, пусть живут «серые». Мне-то что.

Я допил кофе. Подошёл к вешалке, соблюдая все инструкции, оделся. Сначала следует надеть шапку, потом, когда шапка обеспечивает, что ничего с головы сотрудника не попадёт на спецодежду, синий халат. Это общие правила, касающиеся общего облика цехового работника. Именно так выглядят оперативники: синие халаты и шапки. У оперативников – тряпичные кепки коричневого или серого цветов, в зависимости от смены. У меня, как и у мастеров, и у начальников смены шапка белая, пластиковая, напоминающая соломенную шляпу. Поверх синего халата я натянул ещё и светоотражающую жилетку. Жилетка – признак начальника секции. Или возницы – но возницам не полагается белых шапок. Начальники смены носят красные, отличающие их от всех прочих, халаты, но зато не обладают жилетками. Считается, что им в склады ходить незачем, для этого есть мы.

Когда секций было четыре, их начальники распределялись по цветам. Зелёная жилетка – «ручные», секция ручного сортирования. Начальники «коробочек» – секции, где клипсовальные машины производят не просто сетки с фруктами, как на «цитрусовых», а где фрукты предварительно расфасованы по пластиковым контейнерам, и уже эти контейнеры закрепляются в сеть – щеголял в красной жилетке. Руководители «обёртки» – там, вместо клипсаторов и сетки фрукты запаивают в прозрачную пластиковую плёнку, иногда сами по себе, иногда на специальных подставках, иногда в контейнерах – ходили в голубом, а «цитрусовым» полагались жилетки жёлтого цвета. Потом начальство решило, что держать четыре начальника секций на смену излишне и слишком дорого, что создавать атмосферу любви и покоя, следить за порядком, планировать и обеспечивать выполнение планов производства в цехе могут и двое. Цех просто поделили пополам, мне отдали ручные линии, машины для контейнеров и трейслеры – разновидность спайки, где контейнеры не обворачивали в пластик целиком, а просто запаивали верх коробочки, на них мы чаще всего паковали виноград. Когда-то к моей половине относилась и машина для киви, но её убрали из цеха, как негуманную. Последнее время начальство всё чаще стало вспоминать о гуманизме, видимо, всё сложнее становилось запугивать людей и всё сложнее находить обречённых. А жаль, к киви-машине у меня была личная сентиментальная приязнь. Когда-то давно, ещё оперативником, я паковал на ней, время от времени, закидывая голову вверх, глядя в потолок. Ища там передышки, и находя массивные поперечные балки, иначе незаметные. Так и не придумал, как к ним добраться.

Аркаша получил остатки «обёртки» и «цитрусовые». Вместо двух упразднённых начальников секций, нам в помощь поставили координатора в Центр Управления – распечатывать ордера, созваниваться с офисом, помогать Владушу с общей координацией... Нам, по мнению, Оуэна и Спенсера, всего-то оставалось стоять посреди своих секций и мудро направлять люд на светлый путь продуктивности, покрикивая. Двоих человек для ора вполне хватает. Нет – есть ещё Владислав, есть Салим. Должны справляться.

С двумя начальниками смены исчезла и потребность в цветовой дифференциации. Я мог носить жилетку любого цвета, кроме оранжевого. Оранжевый – цвет большого начальства, в одежды этого цвета облачаются представители офиса, нисходящие в цех с проверкой. В оранжевом ходит Оуэн, ходит Раймис, не гнушается сам Спенсер. Ещё в оранжевых курточках, пользуясь особым расположением Оуэна, шеголяют во время своих вылазок в цех офисные девочки, «менеджеры по работе с клиентами». Остальным – нельзя. Даже Салим надевает оранжевую жилетку только в субботу или воскресенье, когда другого офисного начальства нет, в прочие дни отдавая предпочтение зелёной. У меня – как и у прочих начальников, периодически попадающих в хранилище спецодежды – есть коллекция всех цветов. Но чаще всего я ношу зелёную – ближе к Салиму, чтобы ему, единственному мусульманину в цехе, не было так одиноко.

Первым делом прошёл в коморку к уборщикам. Адам уже работал. Во всяком случае, уже делал вид. Неторопливо раскладывал щётки.

– Адам, что ты копаешься? Ты видел какой бардак «в поле»? Давай убираться!

– А почему они с вечера всё оставили? Почему я за них убирать должен?

Адам злобно повернулся ко мне. Смотрел недовольно, обиженно. Знал, что всё равно придётся идти. Почему-почему? Потому что работа у него такая. Потому что должен. Потому что лучшего способа потратить жизнь у него всё равно нет. Мы все здесь поэтому.

– Вот и пожалуйся потом Владу на «серых», пусть начальство разбирается. А сейчас – уборка, скоро люди придут.

Я вышел. Я хорошо освоил это искусство. Искусство избегать споров с подчинёнными, просто находя выход. В спорах рождается истина, а меня интересует эффективность.

Пять минут восьмого, но, не считая выползшего из своего укрытия и теперь прожигающего мне спину взглядом Адама, в цехе по-прежнему я один. Владек наслаждается оправданным принципами лишним часом сна, Васу с Аркадием везёт из Ширнесса один из мастеров линий, так что они будут только к половине. Когда-то раньше пытались начинать, как им и положено, в пятнадцать минут восьмого возницы – обученные управлять электрическими самоходными вилочными тележками оперативники, чья работа заключается в том, чтобы привозить и увозить из склада в цех и обратно палеты с фруктами. Но, не получая от Аркаши или Васы накладных, плюнули и тоже стали появляться после половины. Пока это не мешает цеху начинать производство в восемь, начальство только радо – деньги экономятся. Мы всё же не такие роботы как «серые», мы не стремимся вытрясти из времени всё, до последнего пенни. На самом деле мы просто не воспитаны должным образом, слишком желтороты. Я тут больше семи лет уже работаю, дольше меня в «коричневой» смене только трое мастеров, один возница и несколько оперативников. Аркаша пришёл в один день со мной, нас с ним вместе по цеху водили, принимая тогда ещё на контракт оперативников. В нашей смене не помнят Салима, кидающим в людей фрукты, контейнеры, коробки... Говорят, в кого-то когда-то даже ботинком запустил. Мы этого не застали. Мы не видели, как Джеи – мистер Лав и доктор Чил, ходили по цеху, пальцем показывая Спенсеру кого уволить, а кто им нравится, выглядит достаточно обреченно и затравленно, достаточно покорно, пусть остаётся. Не видели, как Оуэн надевал картонный чехол на терминал учёта и кричал, что пока не будут выполнены ордера, никто не уйдёт, а кто не согласен – пусть идёт так, не выписываясь: денег за день не получит и на следующий тоже может не возвращаться. Мы ничего этого не видели, и, главное, не были в положе-

нии, когда необходимо терпеть такое, когда альтернатив нет, уйти – вылить на полотно своей жизни банку чёрной краски и дать растечься пятну. Мы, конечно, тоже не рвёмся уходить, но всё-таки по другим причинам. Для нас этот ад – зона комфорта, нам хочется оставаться здесь. А большинство из значащих что-то «серых» вышли из времён, когда они были на это обречены. Цех был единственной альтернативой возвращению на родину, единственной альтернативой небытию. Мне иногда кажется, я не в тот цвет крашусь.

Я включил свой компьютер в Центре Управления. Номинально они все, кроме одного, стоящего отдельно в отведённом начальнику смены углу, Васины; но только, что бы ни думали Оуэн и Спенсер, просто сосредоточиться на крике начальники секций не могут. Во всяком случае, те из них, кто старается работать. Так что, крайний правый, ближайший к центру цеха – мой, крайний левый, рядом с входом в Центр Управления – Аркашкин, посередине Василки. Своим я пользовался регулярно, Аркаша, по-моему, так до сих пор не научился как подключаться к программе контроля за производством. Или успешно придурился. Пока загружались данные, я повернулся к столу, на который складывали распечатанные ордера. Компьютеры медленные, старые, но пока мы могли работать на них, на новые рассчитывать не приходилось. Из распечатанного на ручные линии – утренние заказы помидоров для «Tesco», «двадцать семь по», «двенадцать по» и «двенадцать по» вишнёвые. Надо же, «тридцать по» «серые» сами с вечера упаковали, молодцы какие... Хорошо, начало было. Хорошо, но мало. Чёрный экран монитора наконец-то ожил, я отфильтровал ордера по секциям, убрав из списка всё, кроме контейнеров и ручных линий. В списке остались зеленеть распечатанные помидоры, один красный – готовый, но не распечатанный – ордер тоже на помидоры, но для «Aldi» и семь голубых, «в процессе». В процессе чего? Зашёл в информацию одного из них. Не выделено фруктов. Открыл другой – то же самое. Понятно, офисные девочки не проснулись. Точнее, просыпались, не торопясь: пили кофе, красились, ковырялись в почте. Послал активный ордер в печать, принтер загудел, красная строка на экране позеленела. Если на утро мне дадут три команды – этого хватит. Если четыре – положим, можно «двадцать семь по» пустить на двух линиях. Тогда они закончат к десяти, обе «двенадцать по» тоже, а что с «Aldi»? Я достал из принтера тёплые листы. «Тридцать по», пятьсот коробок. По стандарту – четыре часа, но на «Aldi» обычно шли хорошие фрукты и контролёры не придирались. Так что, два с половиной, от силы три, но нужно второго пакующего на стол. Хорошо, решаемо. В любом случае, утро есть. Оставалось дожидаться Влада, узнать от него, сколько дополнительных линий он хочет мне всучить, потому что на другой половине ничего не готово, и тогда уже решать как именно его спасать. Спасу как-нибудь. Обречён спасти.

В дверях цеха появился возница «ручных линий» Игнат. Нашёл меня взглядом. Я показал ему большой палец: ордера есть, отмечайся, заходи, развози. Он покосился на терминал, оценил время и крикнул:

– Март, кофе попью?

Я повторно показал большой палец. До тех пор пока я уверен, что к восьми утра линии будут готовы, чем позже я буду запускать людей – тем большим я буду молодцом, тем больше денег компании сэкономлю. Игнат – опытный возница и своё дело знает. Хочет пить кофе вместо того, чтобы лишнюю копейку заработать, пусть пьёт. Мы не «серые». Я прошёл к «ручным» линиям, разложил ордера на столах мастеров, вытащил накладные, подписал, чтобы Игнат знал, какие фрукты куда ставить, и отложил отдельно. Семь пятнадцать. Расставил рабочие столы вдоль линий, проверил, на всех ли линиях работает конвейерная лента. В цех зашли первые контролёры. Как обычно, Юрате и Яна. Помахал им, они махнули в ответ. Оглядел свои владения. Синие полосы стоек для коробок чередуются с зелёными конвейерными лентами, ровными параллельными линиями расчерчивают пространство цеха. Между каждой парой голубой и зелёной полос – по четыре серебряных металлических стола, рабочие места оперативников. Красиво, ровно, симметрично. Гармония. Можно было идти в офис ругаться.

После яркого индукционного света в цехе, не дающего шанса остаться незамеченными ни малейшим вмятинам на персиках, ни крошечным чёрным точкам на дынях, жёлтое мягкое освещения офиса всегда ощущалось особенно, чуть ли не по-домашнему, уютным. Не сглаживали переход даже несколько секунд светлого, но не по-цеховому, а обычного, стандартного освещения коридора, соединяющего цех с офисными помещениями. Офис всё равно всегда отдавал каким-то мягким, бархатным, интимным полумраком. Но сегодня утром ни о какой интимности, ни о каком домашнем уюте речи не шло. Мрачное настроение девушек было заметно с первого взгляда. Со второго становилась понятной и причина. Вокруг сдвинутых друг к другу в одно большое общее рабочее пространство столов сидела пятерка офисных работников, контролёров сырья, «менеджеров по работе с клиентами» – посланниц, через которых в наш грешный, пусть и ослепительно светлый цех спускается воля клиентов «Lowe & Cheel». Сразу у входа, спиной ко мне, сидела Моника. Всегда сочетающая в облике офисную строгость и дразнящее кокетство, сегодня она пришла в модном красном пиджачке на белую блузку. Юбка в цвет пиджака опускалась до колен, оставляя открытой набитую чуть выше голени татуировку с симпатичной бульдожьей мордочкой. Работникам цеха, независимо от их пола, нужно ходить в штанах – я обязан высылать их домой за слишком свободную одежду, за слишком сковывающую движение одежду, за любую одежду, оставляющую открытой более пяти процентов кожи ног её обладателя. Правила безопасности. Во имя безопасности, во имя покоя и любви. Девушки же из офиса могут ходить на работу в любом соответствии «элегантной повседневности». Все они когда-то пришли в офис из цеха, оставив на линиях озлобленных, плохо говорящих по-английски или просто недостаточно милостивых для царствующего в офисе Оуэна бывших подружек. Все они теперь находили поводы регулярно выходить в цех, стараясь поддержать бывших подружек в их зависти и ненависти. Накидывали свои изящные, разительно отличающиеся от напоминавших жёлтые тулупы цеховых курток для особо холодных зон, оранжевые курточки и шли вдоль линий, заставляя свет отражаться от гладких, блестящих под люминесцентными лампами ножек, привлекая внимание моих оперативников. «Лёгкие», девочки всех возрастов, провожали их злобными, замаскированными под насмешливые, взглядами. «Тяжёлые» парни старательно маскировали детский восторг за циничной похотью. И те, и другие следили за офисными с тоской о несбыточном. О недоступном.

Обхватив двумя руками большую белую кружку, но не поднимая её от стола, Моника сидела, отвернувшись от своих коллег. В глазах её читалась боль.

По левую руку, через стол от неё, сидела Матильда. Невозмутимо сохраняя надменно выражение лица, она положила ладонь правой рукой на мышку, пока пальцы левой бегали по клавиатуре. И хотя глаза её были сосредоточены на мониторе, мне казалось, что все её внимание на самом деле уходит на сохранение позы. Прямая, почти как у сидящей рядом с ней Тамары, осанка заставляла натянуться красный синтетический свитер, из-под которого торчал белый ворот бадлона. Вообще, свитер был скорее малиновым, но для данного освещения и для данной ситуации это было несущественно.

С другой стороны скопления столов, напротив Моника, прятала лицо за бумагами Диана. Диана в основном занималась проверкой и вводом в систему заполненных в цехе бумажных ордеров, так что бумаги у неё было много. С места, где я остановился, мне видны были только красные рукава её рубашки. Дальше, за её спиной гудел принтер, у принтера, отвернувшись к стене, стояла Доминика. На статной Доминике было очень красивое платье. Светлый, белесо-бежевый миндаль опускался от плеч персиковым деревом, превращаясь чуть ниже лопаток в амарит и пунцовая у талии. Очень красивое, переходящее от почти белого к почти красному платье. Очень неудачно надето.

В центре, спиной к цеху, лицом ко мне, прошедшему вглубь офиса, восседала одетая в строгий офисный костюм Тамара. Ненавязчивый, почти незаметный на чёрном тёмно-алый узор рубашки лишь подчёркивал всё изящество ситуации. Наши взгляды встретились. В глазах

Тамары я увидел и самодовольство с восторгом, что всё так сложилось, и обречённое понимание того, что день ей предстоит тяжёлый. А скорее всего и не только день, вряд ли её товарки скоро забудут эту случайность. Под моим взглядом её щёки стали пунцовыми, она нервно завопила мышкой по коврику с изображением зелёного попугая.

– Чего тебе, Мартин? – Нарочито небрежно спросила. Я покачал головой. Не время, не место и вообще – я не железный. Не смогу.

– Поздороваться зашёл! С добрым утром, девушки, я знаю, вы все по нашей смене соскучились!

Я вернулся к двери. Оттуда я не видел всю картину целиком, там я мог позволить себе вернуться к делу.

– Моника, дай фруктов, а? А то встанем через два часа...

Та, не оборачиваясь, пожала плечами.

– А нет фруктов, Мартынек. Три фуры не приехали. Ждём...

Я оставил застывших в напряжении пять женщин с собакой и попугаем и вернулся на свет.

Тонкая струйка мастеров и сопричастных уже пробивалась сквозь двери к терминалу, дальше впадая в цех, растворяясь в его просторах. Я повернулся к настенным часам. Тридцать две минуты. Пусть текут. Сам прошёл к Центру, где уже щёлкала мышкой по голубым, недо-введённым офисом ордерам Васа. Рядом с ней стоял Аркаша и скучно жаловался:

– Снова «серые» сроч оставили. Снова до восьми машины чистить будем. Снова Салим орать на нас будет, хотя по-хорошему на них надо...

– Ты бы приходил как положено, всё успевал бы, – Я протиснулся мимо него к дальнему от входа компьютеру, заодно приобняв Васу. – Привет, дорогая! Пойдёшь в офис, держи себя в руках.

– А что там? – Аркаша моментально забыл о своих жалобах, они оба повернулись ко мне.

Этим и живём. Наносим пёстрые пятна чужих страстей на безупречно-белое индукционно-сверкающее полотно двенадцатичасового рабочего дня, размазываем и смотрим, что получается. И хотя получается всегда один и тот густой плотный слой серой тоски и бурой усталости, в процессе иногда возникают симпатичные узоры и отражения.

– Увидите, – не стал я портить сюрприз. – Кстати, Ви, говорят, фрукты задерживаются. Я пока три-четыре линии на «ручные» возьму, но если бы ты у Доминики что-нибудь на «Lidl» выпросила, на контейнеры, или виноград на спайку – было бы здорово! А то придёт Владичек и будет плакать...

Васа усмехнулась.

– Там точно что-то странное, если ты меня высылаешь. Иду!

Аркаша, почувывая аттракцион и не желавший его пропустить, пошёл с Васой. У Центра сбились мастера и возница с «цитрусовых». Начальник секции «цитрусовых» прошёл мимо них, не замечая. Голодными печальными глазами те уставились на меня.

– Ничего не знаю, идите, ловите своего, – я махнул рукой в направлении удалявшихся от Центра Васы и Аркадия. Не обращая больше ни на кого внимания, достал из принтера два белых листа. На одном несколькими линиями наметил композицию будущей зарисовки и спрята-тал этот лист за свой монитор. Второй лист расчертил на двенадцать столбцов: три спайки, две машины коробочек, семь ручных конвейеров. Тоже на будущее. С грохотом поднялся занавес главного проезда на склад и мимо Центра, таща на электрической тележке первую палету помидоров, прошёл Игнат.

– Помощь нужна? – сверившись с часами, крикнул я. Игнат, не оборачиваясь, отмахнулся. Мог и не спрашивать. Игнат – опытный возница, если надо будет помочь –сам скажет. Оставляя постепенно увеличивающуюся толпу мастеров с «цитрусовых» и «обёртки» ждать явление Аркашечки народу, я прошёл на свою секцию. Мои коллеги как раз возвращались в

цах из своего паломничества. Найдя меня глазами, оба выразительным жестом закрыли лица ладонями. Я согласно кивнул. День начался.

В конце дня я стоял посреди ручной линии и смотрел, как Владек с Аркашей отпускают домой работников «цитрусовых». «Цитрусовым» не приехала фура с мандаринами, но на все сегодняшние ордера фруктов хватило, даже людей смогли додержать почти до конца, до половины восьмого. Мы же весь день ждали помидоров. Часть людей удалось занять на спайках. На коробочках Доминика разрешила паковать сливы наперёд – сливы на «Lidl» не требовали такого бережного отношения, как для «Tesco» и их можно было делать в основном цехе. Для «Tesco» сливы приходилось фасовать в черешенной. В середине дня дали тысячу коробок апельсинов для «Morrisons» на переборку и сорт, но кроме этой тысячи работы для людей не было. То, что могло бы быть работой для одной линии на полдня, сделали за два часа на трёх. Потом, правда, нам на линии прислали ещё пятьсот коробок, возвратных. Два дня назад «серые» отправили такую же тысячу без сорта, контролёр качества в магазине товар не принял, вернули нам. А возврат – это штраф для цеха. И, к тому же, незаработанные, то есть – потерянные, деньги. Почему-то в этом отказе стали виноваты мы. Так бывает. Оуэн покричал на Салима, Салим – на меня, я накричал на Салима в ответ. Салим пошёл к Владиславу, тот пришёл ко мне объяснять, что Салима нужно понять: ему и так тяжело, а к тому же ещё придётся объясняться со Спенсером... Кроме того, наши мастера выходили в дневную смену к «серым» на сверхурочные, там подпись Джорджика на ордере стоит – может и правда он виноват... С этим я не мог согласиться. Тысячу, которую послали «серые», никто не перебирал, просто наклейки на коробках переклеили. Мы оба понимали это. Мои мастера ежедневно отгребали от меня за все просчёты не для того, чтобы ещё и для других быть козлами отпущения! До того, как прийти в нашу смену начальником, Владислав был начальником секции у «серых», иногда это очень заметно. Я наорал на Владека, Владек наорал на меня, мы вместе наорали на людей, которые вместо того, чтобы следить за качеством апельсинов, следили за нами. Владек ушёл, уведя с собой две команды из-за придуманного аврала на «цитрусовых», объясняя это тем, что у меня всё равно нет фруктов и мало работы. Сразу же после этого пришло решение по помидорам – новой фуры не будет, будем перебирать старое сырьё и вручную переклеивать наклейки со сроком годности. Рассчитав, что мне нужны как раз две забранные команды, чтобы закончить до восьми, пошёл за ними к Владеку. Владуш с Аркашей, завидев меня, первыми потребовали ещё команду себе. Показал им лист с расчётами. Они согласно кивнули, но людей забрали. Отдал им самых бестолковых, на попытавшегося возмутиться Аркашеньку, наорали вдвоём с Владиславом. Тебе надо – бери, не кривись, и заставь работать! Потом меня успокаивала Ви. Потом я вернулся на секцию и принялся за невозможное. Невозможное, как всегда, оказалось возможно. К последнему получасу нам на три линии оставалось упаковать полторы палеты. Полёт нормальный. Если не дать людям сейчас отвлечься на уходящих «цитрусовых» и расслабиться, успеем. Быстрее, быстрее! Ева, не спим на линии! Сильвия, через полчаса разговаривать будешь! Работаем, девочки! На самом деле, не самый страшный первый день смены.

Вышли с Владушем последними. Попрощались, напомнили друг другу, что, если фрукты так и не приедут, завтра нас ждёт насыщенный и напряжённый день, и главное – оставаться командой. Сплочённой и дружной. В конце концов, мы – «коричневые». От Владислава, проработавшего около десяти лет в «серой» смене, это звучало неубедительно, всё-таки серебро не ржавеет. Хотя какое, к чёрту, «серые» серебро? Договорившись не убиваться сегодня о том, чего можно будет избежать завтра, сели по машинам.

Какое-то время ехали друг за другом. Влад живёт прямо в Ситтингборне, а я решил заехать в местный «Morrisons» за виски. Остановился у прилавка с поштучными апельсинами, такими же, как паковали сегодня, такими же, какие нам вернули после «серых», возможно даже из той же партии. Взял один, рассмотрел. Идиоты. Если не хватает мозгов не попадаться – не

хитрите. Если не знаете, как сделать хорошо и быстро – просто следуйте букве, следуйте тому, что написано на ордере. Если начальству надо срезать углы, пусть оно и берёт ответственность. Нет же, знают, что вину повесят на них, на нас, но всё равно – лишь бы угодить, лишь бы быстрее. Идиоты Салимом запуганные. Я купил бутылку и билет моментальной лотереи. Прямо в машине стёр защитный слой, проверил и выбросил бессмысленную бумажку на улицу. В деньгах не везёт. Можно ехать домой, туда, где везёт, видимо. Найти бы выход.

За городом я разгоняюсь до ста – ста десяти миль в час и ору под музыку, пока окончательно не садится голос. Это мои двадцать минут свободы. Это я – вне всех моих клеток. Я, принимающий судьбу. Судьба благосклонна – несмотря на пару достаточно острых загибов на трассе, я ещё ни разу не слетел с дороги. Судьба благосклонна? Или наоборот? Я ору и стараюсь не думать, как мы завтра будем размещать всех людей, если не будет фруктов. Как защищать моих мастеров, если на ордере с «серыми» апельсинами будет стоять имя одного из них? Как не послать всё, как продолжать помнить, что я сам выбрал эту ответственность. И эту. И ту. И вон ту... Я просто еду домой. Ору.

Дома Сандра укладывает Данкана спать. Успеваю попрощаться. Предложил почитать, но сын пожелал, чтобы перед сном читала мама. Прошёл на кухню, налил, выпил. Так и не поменял ножи за выходные. Надо. Надо ли? Острые ножи – тоже выход, если задуматься. Или, если не думать. Интересно, если фура не приедет – будем отказываться от завтрашних ордеров на «Tesco»? Отказ – тоже штраф, даже если это не цех виноват, а у самих клиентов не хватает фруктов. Вроде бы много помидоров у «Aldi», их можно разорвать и переупаковать с плёнкой «Tesco». Тогда мы будем разрывать, а на «обёртке» будут переупаковывать. То-то Аркашенька обрадуется. Снова Владек у меня людей заберёт.

Сандра появилась на кухне: значит, Данкан уснул. Предложила мне переодеться и залезть в душ, что правильно, но... Я налил ещё. Завтра среда. Завтра будут ордера на дыни и ананасы. С одной стороны, хорошо. Есть работа, будет чем людей занять. Но если ананасы такие же как на прошлой неделе... Может и хорошо, что фуры задерживаются. Я налил ещё. Ладно, Март, это ещё авокадо не было, подожди. Как обычно, как назло, всё в один момент стукнет.

Сандра, не дождавшись моей реакции, решила, что я остаюсь с ней на кухне. Стала рассказывать что-то о начальстве, собравшемся ставить терминал по учёту времени им в гараж, для трёх сотрудников. Так, сколько было на часах, когда я отбилсь? Одиннадцать минут девятого? Двенадцать? Значит, утром в семь пятнадцать буду заходить, чтобы наверняка. А у Сандры будут ставить аппарат, сканирующий не палец, а сетчатку глаза. Надо же. Прикольно, только нам бы не подошло, у нас скорее всего ещё больше проблем было бы. Чем умнее техника, тем хуже она переносит идиотов. Нашим людям нужно каждый день заново объяснять как правильно палец прикладывать, с глазом ведь, наверняка, тоже куча нюансов. Только под определённым углом подходить, не моргать, не щуриться... Нет, то, что хорошо для трёх человек, не подойдёт для цеха. Лучше палец.

Как-то незаметно исчезли цвета, меня окружила темнота. Я вдруг понял, что стою с закрытыми глазами. Открыл, убедился, что цвета на месте, пошёл в спальню. Сандра, кажется, продолжала что-то говорить. А, может, тоже ушла – в большую комнату. Не запомнил, не важно. Важно, чтобы завтра приехали фрукты.

Фруктов не было.

– Мартина, Мартина, – это Салим. Вышел из офиса и сразу кричать. А чего кричать? Я здесь. Я всегда здесь. – Мартина, фруктов нет, фуры задержали. Ордера огромные, что делать? Где Влад?

В цехе всегда авралы, всегда непредвиденные обстоятельства. Динамичная, быстро меняющаяся среда. Тут ни на что нет времени, даже на имена. Они осыпаются, усыхают, стираются. Чем больше дел подвязано на человеке, чем большему количеству людей он нужен, тем короче его зовут. Владислав – Влад, Васа в середине дня сжимается до одной буквы «V» - Ви, зато к

вечеру, если все ордера распечатаны, офис ушёл и у нас всё под контролем, расцветает Васильком – Василкой, Василиской. Я – Март. Для всех, кроме, почему-то, Салима. Может, зря я на него столько ору?

– На «цитрусовых». У них с Аркашенькой какой-то очередной аврал, втроём с мастером пытаются машину запустить.

– А люди? – Всполошился Салим. – Люди стоят?

Ждущие пока ремонтируется машина люди – это падение продуктивности, это неучтённые простои, это всё то, во что Спенсер будет тыкать Салима носом на очередном собрании. Я указал подбородком на клипсующих под руководством Руслана контейнеры с нектаринами оперативников.

– Взял их на полчаса. У меня как раз ордер на одну палету был. Если что, есть ещё две палеты персиков. Привезём.

Салим выдохнул. Нежно погладил меня по зелёному, такому же как у него, светоотражателю.

– Хорошо... А остальные?

Я достал из внутреннего кармана халата свой лист, положил на стол.

– Смотри. Джорджи заканчивает «Aldi», переходит на дыни и арбузы на «Tesco». Если фрукты хорошие – до третьего перерыва. Анята через десять минут начинает ананасы, вон, Игнат уже фрукты привёз. Тут – как пойдёт... Может тоже к третьему перерыву закончить, может и до восьми проковыряться. Извини. Лука и Элейн заканчивают где-то к трём оба, и вот тогда хорошо бы уже появились помидоры...

– Не будет... – Салим выпрямился и энергично затряс головой. Мне всегда казалось, что он перегибает, что слишком много в его эмоциональности ориентировано на публику, причём не на ту, которая оценит. – Точно сегодня не приедут фуры, не будет фруктов. Склады пустые, отменяем ордера... Что делать? Куда людей девать?

Я вздохнул. Значит, придётся идти в офис, просить, пресмыкаться и подлизываться. Девочки не любили пускать фрукты клиентов на не подтверждённые заказы, не любили, чтобы мы паковали их наперёд. Проблема продуктивности цеха – больше не их проблема, они из этой трясины выбрались. Даже если всего-то сменили болото на скотный двор. Так лучше, они так считали и из-за всех сил держались своих стойл.

– Ты как думаешь, для девушек какое сравнение обиднее: со свиньёй или с курицей?

Салим опешил. Посмотрел на меня недоумённо:

– Мартина, ты чего?

Сильвия с линии Луки через столы переговаривалась со стоящей напротив неё у Элейн Беатой. Девушки смотрели друг на друга, не глядя выкладывая упаковки на конвейерные линии. Я отмахнулся от Салима и рванул туда. Когда порядок был наведён, девушки вытерли заплаканные глаза и продолжили работать, теперь внимательно вглядываясь в упаковки, а Лука с Элейн сняли со своих палет по десять верхних коробок на пересортировку, Салим исчез. Ушёл на поиски Владека. Я огляделся. Высокая худая Сильвия с боку от меня обиженно шмыгала носом.

– Сильва, тебе обиднее было бы, если я тебя назвал свиньёй или курицей?

– Март, ну я же смотрю... – Её голос задрожал. Я встал рядом, достал из коробки упаковку и потряс, разглядывая.

– Вот и молодец! Но я сейчас о другом. Просто ответь: что обиднее?

Она шмыгнула.

– Курица. Свиньями жирных зовут, а что, я не знаю про себя, что я не жирная? Если кто так говорит, значит, завидует...

– И часто завидуют?

– Часто... – Она сверкнула на меня глазами. Я усмехнулся.

– На фрукты смотри.

По дороге к Центру Управления остановился возле рабочей станции контролёра качества нашей секции.

– Юрате, одолжи красную ручку на десять минут...

Она строго посмотрела на меня:

– Снова будешь подпись подделывать?

– Если и буду, то Янкину, – я подмигнул и максимально дружелюбно улыбнулся. – Твоя слишком для меня сложная, я так красиво не могу...

– Ну да, эта курица, считай, что просто галочку ставит... – Юрате беззлобно хохотнула, протянув мне ручку. Я задумчиво пошёл дальше. В Центре Управления перед Васой лежала стопка выполненных на секции Аркаши ордеров. Она их пересматривала. Вообще-то, убедиться, что ордера заполнены должным образом перед тем, как отдавать их в офис – его работа, но... Они машину чинят.

– Ви, тебе что обиднее было бы: свинья или курица?

– Курица. Свиньёй обзывают, когда хотят обидеть, нарочно. А курицей – не задумываясь, значит, на самом деле невысокого мнения.

Васа отвечала ровно, быстро, продолжая чёркать в ордерах. Вопросу не удивилась. Мы с ней и не такое друг у друга, бывает, спрашиваем.

– Хорошо... А как бы тебе больше понравилось, чтобы твоих, – я постарался выделить голосом кавычки, – «подруг» при тебе назвали?

– Свиньями, конечно. Курицами же не ради того, чтобы поддеть, называют...

Я не стал задумываться. Просто поверил Васе. Достал спрятанный день назад за компьютером эскиз и быстро заводил своей, чёрной ручкой. Это спину одной линией тяжело рисовать, лебединую шею – самое то. Потом взял красную ручку. Васа, отложив бумаги, встала у меня за спиной на цыпочки, положив подбородок мне на плечо.

– Март, ну ты что... – расхохоталась.

Я заканчивал заштриховывать четвёртого, стоящего спиной к остальным, поросёнка.

– Фур сегодня не будет, Салим подтвердил. Мне фрукты нужны.

Закончив рисунок, я повернулся к Ви. Закрыв глаза, она шевелила губами. Наконец, посмотрела на меня.

– Авокадо?

Я кивнул. Мне нравилось, как у неё работает голова. Моя школа.

С Васой у нас что-то вроде рабочей дружбы. В цехе она появилась четыре года назад среди первого выводка болгар из агентства Румена. Была очень толковой, дружелюбной, Салим её хвалил, выделял и поспособствовал, чтобы она быстро перешла из агентства на контракт и встала на место мастера на спайке. Васа очень радовалась вниманию менеджера производства, радовалась продвижению, гордилась собой. До первой расчётки. Я разносил расчётные листы – я тогда уже год как фактически руководил ручной секцией, но сам продолжал получать зарплату мастера, Оуэн кормил обещаниями – и когда Васа, раскрыв свой конверт, разрыдалась прямо на линии, попросил Руслана последить за её машиной и повёл девушку в столовую, отпаивать кофе. Прямо посреди рабочего дня. Я не меньше Салима ценю хороших мастеров, мне нужны толковые люди.

Оказалось, работая через агентство, девушка получала стандартный общенациональный минимум, а придя к нам, в полный любви и покоя мир, стала получать возрастной. Ей тогда было чуть меньше двадцати, и даже с бонусом мастера выходило, что она ещё год будет получать меньше, чем зарабатывала до этого. Да и сам бонус мастера ей начнут начислять только через три месяца, после испытательного срока. У нас, конечно, любят работников, но переплачивать им не торопятся. Мои заверения, что она – лучший мастер, которого я видел за последние пару лет, разбивались о железный вопрос: «Так почему же я тогда меньше всех зарабаты-

ваю»?.. Правильный ответ – потому что так устроен мир, но правильным ответом редко удаётся утешить.

Я взял у Васы проверенные ордера, подмигнул ей, принял пожелания удачи и пошёл в офис. Теперь надо было действовать тонко.

С первого раза в офис не попал. Остановили на «ручных». Юрате нашла в одной коробке упаковку с гнилыми фруктами и теперь требовала пересмотреть всю палету. Я задумался. Она вчера тоже была в офисе, вроде бы ни с кем там особо не дружит. Можно показать ей набросок – оценит, смягчится, согласится на два верхних ряда. С другой стороны, если я чего-то не учитываю, и она расскажет кому-то из офисных девушек, испорчу с ними отношения. Не стоит. Слишком рискованно. Снял с линии Сильвию с Беатой.

– Давайте, набросали на конвейер неизвестно что, теперь перебирайте! Ещё раз контролёр что-нибудь найдёт – пойдёте домой!

На самом деле, возвращенная палета пришла с Анюткиной линии, но это неважно. Эти две красавицы уже успели отличиться за смену, преступление не должно оставаться безнаказанным – плохо для педагогики. К тому же линия Луки уже начала помогать Элейн: если я не получу новый ордер, через полчаса две линии встанут. Нет времени.

– Март... А мальчика, коробки поднимать?

– Нет у меня для вас мальчика. Сами! – Видя, что они собираются спорить, рявкнул. – Нет времени! Работаем, быстро!

Оставив их вполголоса возмущаться, что я издеваюсь и они будут жаловаться Владеку, я, наконец, пошёл добывать ордера.

Остановился между двумя дверями. Впереди – дверь в офис. За спиной – дверь в цех. По правую руку – широкая открытая дорога в светлое будущее, выложенное фиолетовой плиткой. То есть, и не благими намерениями, и не жёлтым кирпичом – так себе выбор. Да и ведёт она на самом деле в склады, или, если знать, где свернуть, в офисные помещения клиентов и кабинеты высокого начальства. И ещё дверь «пыточной»... Ничего светлого – в цехе светлее. Никакого будущего. Надо подготовиться. Карл у Клары украл кораллы, Клара у Карла кларнет украла. Жил-был художник один... Безумству храбрых поём мы песню. Ладно, пора идти.

По большой дуге обошёл столы мимо пустующего рабочего места Моники, у неё сегодня выходной, подошёл к Диане. Дал ей ордера, протиснулся между ней и принтером к Тамаре. Остановился у неё за спиной.

– Княгиня, вы как всегда обворожительны...

Тамара поднимает голову, смотрит оценивающе. Прячет улыбку.

– Нечего мне тебе дать...

Сегодня на ней жёлтая блузка, вроде и строгая, но лежит волнами, волнительно. Отбиваю удар.

– Это печальное заблуждение, и я не перестаю надеяться, что когда-нибудь вы позволите мне разубедить вас. Хотя, конечно, я полностью отдаюсь вашей воле и вот скромный дар, предназначенный продемонстрировать это...

Кладу ей на стол рисунок, строго между рук, чтобы остался укрытым от случайных взглядов. Тамара смотрит. Резко вскидывает голову и горделиво оглядывается, быстро, буквально долю секунды. Потом прячет глаза и переворачивает рисунок. Жёлтая блузка подчёркивает румянец.

– Болтун! – Теперь она повернулась ко мне. Кажется, взгляд должен был выражать гнев и негодование, но я вижу – ей понравилось, угодил. Княгиня довольна. – Но я на самом деле не знаю... Что хочешь?

– Авокадо на «Sainsbury's»?

Вот, теперь раздражение во взгляде искреннее.

– Нет ордера. Завтра.

– Тамара, ну мы же всё равно завтра будем оба хранилища перебирать, чтобы хотя бы по двести коробок на каждый заказ сделать. А ордера наверняка будут по четыреста-пятьсот, сама знаешь. Давай сегодня начнём? Заодно проредим, незрелое Андрис сможет в камеры дозревания отправить, они там за ночь лучше, чем в хранилищах дойдут...

– Болтун, – Она покачала головой. Погладила пальцами перевернутый лист. – Ладно. Сортируй на три стандартных типа, по давлению, и мягкие – на детское питание. Детского больше пятисот не делайте, стандартных – по двести максимум.

– Ни коробкой больше! – Я благодарно кивнул. На самом деле, конечно, сколько выйдет, столько и сделаем, а излишек засунем в морозильник, чтобы не перезрели, не теряли правильное давление. Если потом окажется, что приготовили слишком много, Тамара обидится. Но это проблему придётся отложить на потом.

Напоследок подмигнув Тамаре, я вернулся в цех. У Центра Управления Васа сунула мне в руки уже распечатанные ордера.

– Поздравляю!

– Учись у мастера, детка! – Я отсалютовал ей бумагами и пошёл на склад искать Игната. Отдал ему накладные, вернулся на секцию. Разделил ордера между Элейн и Лукой, осмотрелся. Вроде бы всё под контролем, только Салим стервятником кружится над линией Джорджи, приглядываясь к моему обречённому на заклятие мастеру. Прощтрафившиеся девушки работали как раз возле его линии. Подошёл к ним, стал помогать перебирать помидоры.

Салим приступил к пытке. Джорджик во время разговора бледнел, краснел, в какой-то момент его лицо стало цвета тусклого покойнического антрацита, но он держался. Несколько раз я ловил его взгляд и одобряюще кивал. Я говорил с ним утром. Ты ничего не знаешь. Ты работал в субботу, делал помидоры, в какой-то момент Томаш принёс тебе следующий ордер, ты подписал бумаги, заказал наклейки на коробки, а когда закончил с помидорами – ордера на твоём столе уже не было. Томаш сказал не беспокоиться, сказал, что он сам разберётся. Самих апельсинов ты не видел, не нюхал, не перебирал. Джорджи нервничал, хотя до этого сам же рассказывал мне, что именно так всё и было.

– А если Томаш обидится? Март, мне нужны сверхурочные, если они меня пускать перестанут, то как же я?..

Пришлось разжёвывать.

– Джорджи, дорогой, ты хороший мастер. Пока ты работаешь здесь – сверхурочные у тебя будут. Но ты не будешь здесь работать, если они сделают тебя виноватым. Не переживай за обиду Томаша – на него, на Салима Спенсер просто наорёт. Тебя, если у него будет плохое настроение – уволит. Ты хочешь меня без лучшего мастера на секции оставить?

Так что Джорджи держался. Судя по тому, как разочарованно выглядел Салим, уходя с моей секции, держался хорошо. Не хватает мозгов не попадаться – не хитрите. Хитрите – на моих не сваливайте. Я показал Джорджи большой палец. Посеревший мастер постепенно возвращался к нормальному цвету. Становился «коричневым».

Втроем с Беатой и Сильвией мы быстро перебрали палету. Послав девушек обратно на линии, сам я отошёл в туалет. Вернувшись, обнаружил, что Игнат уже привёз первые палеты авокадо, команды Джорджи и Элейн заканчивали свои работы, но исчезли команды Луки и Анюты. У своей перевозной станции перебирала бумага Юрате. Подошёл к ней.

– Владек с Салимом забрали.

На другой половине цеха Салим безуспешно пытался расставить вокруг одной из обёрточных машин в несколько раз превышающее норму количество людей. Чуть в стороне, пожирая глазами Дарью, остановился, заступивший в свою смену, но ещё не дошедший до склада, Роберт. Аркашка из-за компьютеров развёл руками: он ни при чём. Владек где-то прятался. Я подошёл к Робе.

– Ну что, едем в субботу? Подберёшь меня? – Спрашивая меня, Роба не сводил глаз с работницы линии. Судя по тому, что Дарья старательно игнорировала его взгляд, явно чувствуя себя неуютно, на свидание она не пошла. Я покачал головой:

– Не, я пить буду. Такси возьмём.

– Дорого... Давай одну машину тогда на двоих возьмём? Я у тебя заночую... – Смешно. Они там, на складе, получают больше мастеров линий. И хоть он и живёт сейчас один, но не в трёхкомнатной квартире в центре Мейдстона, куда срочно нужно было переехать жене, потому что Ширнесс и Ситтингборн – гетто для гастарбайтеров, которым ничего кроме серых фабричных будней и бухла на выходных от жизни не нужно. Он даже без второго жильца за свой дом ерунду платит. Пусть не прибеждается.

– Подумаем... – Спросить, что ли, у Сандры, соскучилась ли она по двоюродному брату.? Или просто сюрприз устроить? Неожиданная встреча сильной и независимой успешной иммигрантки с гастарбайтерами из трущоб. Надо подумать. Пока надо спасать Дарью, видно же, она работать не может. – Дашку с собой не зовёшь?

– Да, в общем-то, чего там... – Роба смутился и, смутившись, наконец-то отвёл взгляд от машины. – Ладно, мне начинать пора. До связи!

Я остался стоять. Толпа уведённых с «ручных» людей никак не превращалась в слаженную команду. Салиму явно нужна была помощь, но ни мастер машины, которого он сам до этого отогнал, ни номинальный начальник секции Аркадий, помогать не спешили, как и я, наслаждаясь его мучениями. Надеяться он мог только на Владислава, но тот выжидал, затаившись где-то на «цитрусах», пока я не уйду на свою сторону. Я подошёл ближе к Центру Управления.

– Васа, дорогая, как дела? Что слышно?..

Вышел ровно в восемь, в магазины не заезжал, успел искупать Данкана перед сном. Сын рос, и хотя ещё не догнал по весу коробку арбузов, точно превзошёл вес двух коробок персиков. Это максимум, который по стандарту мы можем заставлять поднимать «лёгких», для более тяжёлых работ нужны мальчики, иначе женщины начинают жаловаться. Сандра, конечно, не будет требовать вызвать Владека, чтобы он объяснил по какому праву я над ней издеваюсь, но норма есть норма. После купания, не дав сыну возможности выразить свою волю, уложил, подхватив первую попавшуюся книжку. Ему всё равно что слушать, мне тоже. Когда ребёнок заснул, прошёл в гостиную. Сандра, отгородившись наушниками, сидела за компьютером. На кухне, в прикрытой запотевшей крышкой сковороде, стыл ужин. Как и детская английская литература выполняющий свою функцию, но не вызывающий никакого любопытства. Я налил виски и прошёл в детскую. Сел рядом с кроваткой Данкана. Проснулся глубокой ночью.

Весь третий день разбирались с авокадо и ковырялись в остатках просроченных помидоров, пытаюсь найти там что-то пригодное. Джорджи больше не дёргали. Владек сказал, что Салим злится, но сам он меня поддерживает, понимает и тоже всегда заступает за своих мальчиков. То есть, за меня и Аркашу. Он, кажется, ждал от меня подтверждения, но я был слишком занят трудовой реальностью, чтобы заботиться ещё и о фантазиях Владислава. Если хочет считать себя хорошим руководителем или меня идиотом – может сам себя в этом убежать. У него обычно неплохо получается. В восемь разошлись, не прощаясь.

А в пятницу наконец-то приехали задержанные фуры. Не все – к тому времени мы не досчитались уже шести, а появились только две из них, причём под эскортом полиции. Меня, Аркашу и пару парней из складских, покрепче, вызвали на улицу. Процедуру мы знали. После длящейся несколько суток поездки в загруженной палетами фуре нелегалы – чаще всего беженцы из Сирии, Ирана или африканских стран с незапоминаемыми названиями – обычно с трудом двигаются и полиции приходится буквально выковыривать их из машины. Но иногда сила духа преодолевает слабость плоти и тогда, как только под присмотром полиции водитель отпирает кузов, в отчаянном свободолобивом порыве «зайцы» бросаются в рассыпную. Для

таких случаев и зовут нас. Подстраховать, защитить английские земли, уберечь наши законные зарплаты от посягательств мерзких нелегалов. Оправдаться за те зарплаты и квартплаты, что мы отобрали у англичан.

Эти пытались бежать. Не очень убедительно, всё-таки они еле держались на ногах, но пытались. Одного отчаянно ковыляющего мимо меня араба я поймал пинком под зад. Тот рухнул – лицом на асфальт, красными фирменными кроссовками прошлогодней модели ко мне. У нас такие под двести фунтов стоят. Убедившись, что мой пленный продолжать бегство не намерен, я обернулся. Все остальные нелегалы тоже были повержены, сейчас полиция сгоняла их в кучу и пыталась добиться хоть от кого-то из них признаков понимания английской речи. В воротах склада стоял, наблюдая за нами, Роба. Кажется, его глаза слезились, но, возможно, он снова успел накуриться, к тому же на самом деле ветрено. Я постарался отвернуться раньше, чем наши взгляды могли встретиться. Повернулся к лежащему, помог подняться, привел его к товарищам. Встав в кучку своих, он, смирившийся, достал из куртки мятую пачку, приглашающе протянул мне. Отрицательно покачав головой, я отошёл к Аркаше. Тот, пользуясь возможностью, как раз закуривал.

– Ты что куришь?

– Дерьмо какое-то – Коллега показал мне пачку. – Контрабандные. Египетские, кажется...

– А эти – мальборо...

Фрукты, с которыми делили место в фуре нелегалы, нельзя посылать в магазины. Закон. Правда, закон этот наши клиенты соблюдали с некоторыми оговорками. В подобных ситуациях мы не посылали приехавшие в этих фурах пачки, мы их разрывали и перепаковывали. Это медленнее чем сортировать сами упаковки, но дешевле чем просто выкинуть несколько десятков палет вишневых или салатных помидоров. Хорошо, что они приехали только сейчас, теперь «серым» с ними разбираться.

Дома Сандра отмечала окончание рабочей недели вином и рейдом в подzemелье в какой-то онлайн-игре. Когда мы познакомились, она была заядлым геймером, главой гильдии и очень скучала по своим игровым делам летом в Швеции. Правда в первые наши годы в Англии остыла к играм, но, кажется несколько месяцев назад, снова втянулась. Хорошо, когда после работы остаются силы, время и желание на социализацию. Кстати, я так и не сказал ей, что в субботу поеду встречаться с Робой и Дамьяном. Не важно. Я переложил в тарелку свою порцию ужина, налил виски и отправился со всем этим в спальню залипать с телефоном.

Когда я проснулся, Сандра ещё спала. Прошёл в детскую. Данкан тоже ещё не проснулся. Через щель в занавесках солнце пробивалось в комнату, заливая золотом припыленное коричнево-розовое пространство. Я плотнее закрыл шторы, возвращая комнате обесцвеченный карандашный покой. Можно сесть за резюме, поглядеть в бездну своего отражения. Вряд ли я бы когда-нибудь его выслал, вряд ли я бы когда-нибудь его завершил. Но мне нравилось думать, что такое возможно. Однажды почти получилось, только предлагали мало, да и мастеров моих нельзя было бросить.

В первый выходной я всегда просыпался рано. Это мешало, особенно когда я записывался в первую ночь сверхурочно. Оставалось надеяться, что однажды организм начнёт обходиться без сна вообще – тогда проблема решится. Удобно будет всем. Я смогу работать круглыми сутками, а когда не работаю – смотреть за Данканом, так что совсем не нужно будет тратиться на садик. Сандра в свои выходные сможет спать до глубокого вечера. Она любит спать. Я раньше не замечал, как сильно она это любит. Скорее всего, потому что раньше я сам спал больше. Или больше любил её. Хорошо бы, если бы сегодня удалось выпить. Было бы очень неплохо поспать перед ночной хотя бы до девяти. Кстати, я так и не сказал ей про Дамьяна. А если у неё какие-то планы на вечер? Ну да, конечно.

Сандра не любила Дамьяна. Впрочем, она и Роберта, хоть тот и родственник, недолюбливала. Интересно, кто из них был ей менее симпатичен?

Рената привезла меня на ферму Хультманов летом после моего первого курса в Академии Искусств. Третьекурсница, она взяла надо мной шефство сразу после студенческих «крестин». Таскала меня по молодёжным творческим вечерам, брала с собой рисовать шаржи на туристов на центральной улице, водила по выставкам, открытым лекциям и кабакам. Летом позвала собирать яблоки в Швецию: лёгкая работа, свежий воздух, а какие виды, какие пейзажи... Я тяжело переходил из подросткового в юношество. Мать, прихватив с собой сестру, но почему-то не меня, избрала постоянным местом жительства историческую родину, отъехала в Россию и практически не выходила на контакт с нами с отцом. Отец с нетерпением ждал, когда я, наконец, поступлю в Академию, в университет, хоть куда-нибудь, лишь бы съехал из дома. У него был давний роман с коллегой по службе Ингой. Я не знал, послужил ли роман причиной скоропостижного отъезда матери, но сам отъезд влюбленные явно воспринимали, как возможность перевести отношения на следующий уровень. Мешал им только недовольный всем этим я. Подростком я неплохо и даже вполне успешно рисовал и тянулся к искусству, какое-то время был кем-то вроде вундеркинда и восходящей надежды живописи, говорили, что меня ждёт большое будущее. Может и ждало, но сам я после распада семьи, потерял к нему всякий интерес. В Академию после школы я поступил главным образом для того, чтобы уехать от отца. Мне было одиноко, мне нужен был кто-то кто бы тянул и толкал меня, мне нужен был друг. Им стала Рената. Она растормошила меня, а я безоговорочно верил и подчинялся ей. Она и ещё несколько других «сезонников» из Восточной Европы ездили в то шведское хозяйство каждое лето, а один из них, Дамьян – жил и работал на ферме круглый год. Странно, что прозвище «Вуек» - «Дядя» приклеилось к нему только в «Любви и Покое», он всегда был дядькой: опытным, точно знающим что делать, мастеровитым, всегда готовым подхватить любого поскользнувшегося на стремянке. И работающим. Он брал на себя любые обязанности: уборку территории, стрижку газонов, покраску ангаров – всё за что хозяева готовы были платить дополнительно, всё, что было слишком сложным для неумелых студентов. Иногда, в межсезонье он уезжал – на месяц, два, на стройку или промышленный рыболовный рейс, но всегда возвращался. Только много позже, когда Рената уже несколько лет была госпожой Хультман, когда уже я безвылазно жил в «Розовом Домике» на отшибе фермы, когда цены в Польше, куда он посылал все свои деньги, выросли так, что зарплата работника сельского хозяйства в Швеции перестала казаться большой, он уехал в Англию. В последнее лето Дамьяна, первый раз привёз молодую двоюродную сестру на заработки, ещё один завсегдатай фермы – Роберт, а когда та вернулась на следующий год, вместе с ней в конце лета уехал и я. По зову сердца. Сандра завершала своё университетское обучение, я маялся бездельем в чужой мне Литве и рисовал, тратя на проживание шведские деньги. Кругом были Сандрины родственники и друзья, её мать требовала, чтобы я нашёл работу и предлагала Сандре устроиться после получения бакалаврской степени к ней в фирму по специальности. Работать по специальности Сандра не хотела, ей, главе гильдии в онлайн-фэнтезийной игре, хотелось приключений и продвижения по уровням. Литву она считала уровнем пройденным. После её диплома мы поехали строить свою независимость в Англию. Устроились в упаковочный цех и вдруг обнаружили в начальнике ночной смены Вуеке, герое местных легенд и анекдотов, старинного моего друга Дамьяна. Он по-прежнему много работал, по-прежнему не оставлял себе ничего из того, что зарабатывал. Казалось, он почти не изменился, только вечная его усталость стала отчётливее, в ней стали проступать черты обреченности. Несколько лет спустя он бросил цех, бросил вдруг всю свою прошлую жизнь и ушёл искать себя в стендапе. Ему тогда было... Возможно, столько же сколько мне сейчас. Возможно больше. Не знаю. И хотя о своих в Польше он и до этого особо не рассказывал, Сандра решила, что Дамьян предал семью ради собственной блажи. Странно, конечно. Сама сбежала из цеха при первой возможности, должна понимать, как так бывает.

Ребёнок проснулся чуть позже девяти. Мы умылись, позавтракали и пошли играть с машинками. Пробуждения Сандры я не ждал раньше часа.

– В Англии кризис, англичане беспредельничают. Раньше, в месте где я работал, не было ни одного англичанина: поляки, литовцы, латыши, словаки, украинцы – сплошная угроза с Востока. И вот, пару лет назад, стали появляться вы. Что же получается? Вы приходите в мой дом, отбираете мою работу, оправдывая это тем, что у вас в стране кризис? Самое обидное, когда мы так делаем – мы хотя бы стараемся работать...

Паб вмещал человек триста. Тёмно-коричневые крепкие столы, тёмный пол с липкими очертаниями пивных пятен, тусклый, не справляющийся с задачей свет в зале и одна яркая лампочка прямо сбоку от бара, над микрофоном. Мы сели за столик как раз рядом с выступающими. Выбор был – две трети мест оставалось в пабе незанятыми. Дамьян рассказывал публике о мифическом надвигающемся Брексите, о ценах в магазинах и неспособности англичан к тяжелому труду. Темы, на которых он строил своё выступление, меня забавляли больше, чем сами шутки. Нужно было ему уходить из цеха, если он продолжает вариться в том же соку? Если никуда не делось цеховое мышление? Я тоже, с чего бы не начался разговор, через две темы приду к неумению англичан работать. И Влад. И Салим. Возможно, даже Роба – хотя у них на складе всё-таки немножко по-другому, там англичане справляются. Роберт сидел рядом со мной, смеялся, потягивал пиво. Пиво было вкусным: когда Дамьян наконец-то подошёл к столику, я закончивал третью пинту.

– А говорят, серебро не ржавеет... – Перед тем как сесть, Дамьян взъерошил мне волосы. – Как-то странно ты седеешь, Мартин.

– Две плоские шутки за минуту, шикарно! Не забудь включить их в следующее выступление, – Мы обнялись. Потом Дамьян обнялся с Робой, отошёл к бару и вернулся с тремя бокалами. Уселся напротив меня. Он всегда был очень худым, пожалуй, болезненно худым. В «Любви и Покое» многие считали, что Вуек плотно сидит на порошках. Интересно, чтобы они сказали, если бы посмотрели на него сейчас? Измождённое лицо, наполовину занятое огромными чёрными глазами, где зрачки сливались с радужной оболочкой. Застиранная рубашка из «Asda», висящая на плечах как на вешалке. В цехе Дамьян выглядел таким же измождённым, как все мы, возможно чуть более измученным. Сейчас он выглядел измождённым по сравнению с нами. Но ещё разительнее от нас его отличало воодушевление – чуждое любому из цеховых и просто фонтанирующее из закончившего выступать Вуека. Усевшись, Дамьян сразу принялся объяснять Робе свою философию стендапа.

– Главное, представить, что мы – нормальные. Не они – мы. Что в нашей жизни нет ничего странного, что это они абсурдны. Со своими заставленными диванами комнатами, светскими беседами в сортире, вежливостью заменяющей правила дорожного движения... Заставить их посмотреть на себя со стороны... Ну, ты же писатель, ты понимаешь...

– Да какой я писатель... – Роба вяло отмахивался. Когда-то давно на веранде, выходящей на переливающееся всеми цветами неба озеро, он мог до глубокой ночи рассказывать нам о своих творческих планах. Я рисовал, Дамьян, посмеиваясь над нами молодыми и вдохновленными, сворачивал себе на утро запас табачных самодельных папирос.

– Такой же как водитель погрузчика – средний... – Допив бокал, я подмигнул Робе чтоб не обижался, и через стол наклонился к Дамьяну. – Как ты вообще, комик?

Роба чуть заметно повёл плечами, но тут же улыбнулся мне в ответ. Дамьян почесал нос.

– В целом хорошо, местами замечательно, в основном – плохо. Элка – помните Эллу? – со своими девчонками в ноябре в пред рождественский тур по Англии едут, берут меня с собой на разогрев, это круто. Это деньги, это залы, это кайф. Но надо материал собирать и оттачивать, а мне жить негде и долгов скопилось чуть больше, чем дофига... А так – всё отлично!

– От Робы как раз жилец съехал, – Я пожал плечами. Начальнику секции на фабрике, где работает персонал нескольких агентств по трудоустройству решение проблем Дамьяна каза-

лось элементарным. – А я договорюсь с Румбой, пойдёшь через его агентство, у нас месяц-другой поработаешь.

– То-то мне Салим обрадуется. Он мне, когда я уходил, кричал, что я ползать вокруг него буду, умолять – а он меня назад не примет, раз я не ценю своего счастья...

– Перебьётся. Поздоровается – и хватит, на колени не падай. Он на твоё место Гавина поставил, так тот каждую неделю косячит. То «фрукты для школы» с плёнкой «Высшее качество» запакует, то танжеринки как сатсуму отправит. Пару недель назад я пришёл в ночь, поставить мандарины на «четвёртую» цитрусовую до часа ночи, а потом на клипсы переходить: в конце недели надо было отправить пять тысяч лаймов на «Lidl», на них днём времени не было, приходилось по ночам паковать. За ночь до меня Гавин начинал, типа, всё настроено, только дату поменять. Прихожу в сигнальную комнату, включаю компьютер чтобы сигнал послать – а там выставлены лимоны, «восемнадцать по три». Бегу на склады – так и есть, двадцать палет не с тем сигналом ушло. Хорошо, что их только в конце недели забирали...

Вот, я же говорил. Благодатная тема. Англичане не умеют работать, это факт. Внимательно меня выслушав, Дамьян поднялся со стула.

– Точно, хорошо, что напомнил! У меня же в машине для тебя подарок есть!

Он вышел и через минуту вернулся с большой запечатанной коробкой. Передал мне. Тяжелая.

– Что там?

– Напоминание. Мне кажется, ты как-то стал забывать, что ты художник...

– Да какой я художник... – Я поморщился от вторичности собственного ответа. Роба задумчиво крутил перед собой бокал.

## Глава 3

3

Как всегда в ночную смену, вошёл в цех в половину восьмого. Сразу же увидел Томаша: тот, по-барски заложив руки за спину, расхаживал вдоль ручных линий. На другой половине цеха была темно и непривычно пусто.

– Вчера ещё три фуры с нелегалами приехали, и одна – сегодня. – Мы поздоровались. – Разрываем... У тебя пять команд, один мастер, один возница. Пять палет салатных, пять – вишнёвые, остальные – сливовые помидоры. Рвите до утра. Без сорта, без стресса...

– Кто из мастеров?

– Джорджи... – Томаш остановился, внимательно всматриваясь в моё лицо. Стало понятно, что он знает, как Салиму не удалось возложить вину на возврат на моего мастера. Я промолчал. Томаш, выждав ещё немного, вздохнул. – В общем, как я и говорю: без стресса, без сорта... Не ночь, а санаторий...

– Санаторий – это хорошо... Именно то, что сегодня мне нужно... – Я потёр лоб.

– А что, тяжело? – Томаш посмотрел на меня с участливым интересом. Это они умели – выражать сочувствие и заинтересованность в человеке. Томаш, Владислав, Салим... Кивнул.

– С Вуеком вчера встречались. Он, кстати, к нам в смену через Румбу придёт работать со следующей недели.

– На секцию встанет?

– Вообще-то, хочет оперативником. Но, надеюсь, уговорим с Владушем его на мастера, – И вот сейчас можно слегка поддеть. – Мы-то хороших мастеров любим, ценим, бережём...

Вот так. Утром Томаш расскажет Салиму, Салим будет нервничать, дёргать всех подряд, пытаюсь узнать, кто решил, кто разрешил, кто распорядился – а в результате все просто привыкнут к мысли, что Дамьян приходит работать в «коричневую» смену. Осталось Румену позвонить.

Томаш отправился в Центр Управления писать ежедневный отчёт Оуэну со Спенсером, я остался на секции. Обычный стандарт команды на «ручных» линиях – пять оперативников и мастер. Три девочки занимаются сортировкой, один «тяжелый» набрасывает фрукты на столы рядом с конвейерной линией, второй – складывает приезжающие по конвейерной линии упаковки в коробки и складывает коробки на палету. Иногда удаётся получить второго пакующего на стол, но чаще всего это лишнее. Есть мастер. Если он не может заставить кого-то из своих работать быстрее – пусть сам помогает. Ему за это деньги платят. Им обоим, если уж на то пошло. Конечно, есть работы, где стандарт меняется, но помидоры – пересортировка ли, разрывание ли – это стандартные шесть человек. Сейчас на шесть линий Томаш согнал навскидку человек пятьдесят. Я быстро посчитал. Пятьдесят два. Пересчитал трижды, и уверенный в результате, попытался угадать у кого из присутствующих пяти мастеров «серых» бумаги на ордер. Конечно, у Илзы. Есть люди, на которых всегда спихивают ответственность. Причем даже не потому, что они сделают хорошо, просто с них легче требовать. Они не сопротивляются, не оспаривают. Умри, но сделай. Они могут и не сделать, но можно быть уверенным, что обреченно постараются умереть. Удобные люди. Мастера своего дела, настоящие мастера цеха. Побольше бы таких.

У нас это Руслан, в кого-то похожего моими стараниями превращаются Джорджи и Лука. У «серых» такие почти все, но самая ответственная, вечно ответственная – Илза, женщина с острым лицом, визгливым голосом и затравленными глазами кружащего в прогулочном шаре под наблюдением дюжины дворовых котом хомяка. На вид ей около пятидесяти, впрочем, ей было около пятидесяти на вид и тогда, когда я только пришёл работать в «Любовь и Покой». Мы поздоровались. Пока я проверял бумаги, она нервно подрагивала рядом. В ордере было

указано тридцать пять человек. Показал ей. Дрожащим голосом объяснила, что последние две команды Томаш привёл только что, ещё не успела вписать. Молча покачал головой. Большого от меня и не требовалось: она сама себе выговорит, сама с себя взыщет, скорее всего, не сможет сегодня ни есть, ни спать. Удобные люди, облегчают мою работу.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.